

Людмила АСТАХОВА

ЧЕСТЬ ВЗАЙМЫ

ЭПОХА ДОБЛЕСТИ

Людмила Викторовна Астахова

Честь займы

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181619

Честь займы: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35760-4

Аннотация

Все маги – коварные негодяи. Эту прописную истину знает в Эльлорской Империи каждый. Перед вероломством и жестокостью чернокнижников не способны устоять ни хрупкая, беззащитная женщина, ни всемогущий Канцлер Империи. У беглой вдовы государственного преступника Фэймрил Эрмаад злобные колдуны отобрали пятнадцать лет жизни, счастье материнства и свободу быть собой, у маршала Росса Джевиджа – память о сорока прожитых годах, власть, положение в обществе и здоровье. Двум жертвам высокопоставленных злодеев остается только объединить свои усилия, чтобы попытаться сокрушить черные планы магов и отомстить за свои разрушенные судьбы.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	68
Глава 4	102
Глава 5	134
Глава 6	166
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Людмила Астахова

Честь взаймы

Честь состоит в том, что ты знаешь о себе

сам...

Эйрел Форкосиган

Глава 1

ФЭЙМ в огне

Осень пришла в Сангарру, и город настолько ей понравился, что она решила задержаться здесь чуть подольше, чем обычно. Вместо краткого зарева бабьего лета, быстро сменяемого дождями и слякотью, надолго установилась чудесная солнечная погода. Почти как летом, только без духоты. Красота, да и только! А как могло быть иначе? Вряд ли сыщется еще в Империи такой уютный городок, где никогда ничего не происходит, кроме мимолетных романов меж курортниками, таких же диетически-профилактических, как и местные целебные источники. Здесь по утрам так тихо, что можно услышать, как на булыжную мостовую роняют багряные листья полувековые клены. Весело воркуют голуби, и шелестит вода в крошечном фонтанчике, где мраморная фея льет и льет из волшебного кувшинчика тонюсенькую струйку в

перламутровую раковину. И только скрип колес тележки молочника разгонит дремоту раннего осеннего утра.

Осень, мирная теплая осень, самая лучшая осень в жизни Фэйм за последние двадцать лет. По крайней мере, она так решила, едва проснувшись. Сквозь дырочки в старинных шторах пробивались солнечные лучики, в которых плясали золотистые пылинки, от постельного белья пахло лавандой, и для того, чтобы заставить себя выбраться из-под одеяла, потребовались нечеловеческие усилия. После купания да на свежей постели спалось просто замечательно. Еще одно маленькое преимущество житья без постоянной прислуги. Спала бы хозяйка, как же! Либо кухарка начнет звенеть посудой, либо у горничной приключится очередной приступ благочестия в виде громогласной молитвы ВсеТворцу. Было это уже все в жизни Фэйм, было и прошло. К счастью.

«Да! Именно – к счастью! И никаких сомнений!» – твердо решила думать мистрис Эрмаад. Для кого-то резкие перемены, может быть, и оказываются губительны, но только не для нее. А все оттого, что все самое худшее возможное приключиться – уже случилось. Дальше падать уже некуда. Посему стоит расслабиться и оставить тревоги и сомнения тем, кому еще есть что терять.

Накинув поверх ночной сорочки длинный вязанный халат и кое-как скрутив в узел волосы, Фэймрил спустилась на кухню. Ночью уже далеко не так тепло, надо хоть немного протопить дом, а потом честно предаться единственному сохра-

ненному со столичных времен роскошеству – сварить себе чашечку настоящего кофе самого высшего сорта – *малати*. По правде сказать, под нее не мешало бы выкурить трубочку, но хорошего табака в Сангарре днем, как говорится, с огнем, и стоит он здесь столько, что быстрее разоришься, чем получишь удовольствие. Год назад, окинув внимательным и неподкупным мысленным взором свои финансовые возможности, Фэйм прагматично решила одним махом избавиться и от лишних трат, и от вредной привычки. Сказано – сделано... Но как же иногда хочется запить ароматный терпкий дым глотком благородного напитка...

Потягиваясь и прихлебывая мелкими глоточками обжигающий кофе, женщина прогулялась по узкой дорожке между стеллажами с цветочными горшками, любуясь своей так называемой оранжереей. Ну и пусть на месте карликовых роз и лилий поселились кустики томата и жгучего перчика. Не слишком оригинально, зато практично. Растения радовали, а вот состояние стекол в широких и высоких окнах – нет. Если навскидку, то примерно треть пошла трещинами. Хватит хорошего ливня, чтобы они осыпались. Стеклили-то еще при бабушке – прежней владелице дома. И тогда придется на зиму заколачивать наглухо двери, ведущие из гостиной в оранжерею.

Фэйм поморщилась, как от головной боли.

Вот за что ни возьмись, сразу так или иначе все сводится к деньгам. Кушать нужно каждый день? Нужно. Печку топить

надо? Обязательно. Крыша протекает? Так точно. Входную дверь перекосило? Без всякого сомнения. И на все нужны деньги. А где их взять?

В заветной шкатулке, хранившейся под половицей в спальне, лежало еще несколько дорогих побрякушек из старых запасов, но что будет, когда закончатся сережки и брошки? А ведь рано или поздно такой день настанет. Фэйм думала о нем с содроганием еще с середины лета.

Сангарра – это тебе не стольный Эарфирен, тут пристойной работы для женщины ее возраста и положения не найти даже при очень большом желании. Здесь просто нет подходящей работы. Разве что на почтовую станцию, но там уже сидит юная Дайзин – старшая дочь Сефасены, лучшей и закадычной подруги. И получает, между прочим, чуть меньше, чем сама мистрис Фэймрил Эрмаад, урожденная Сааджи, платила своей горничной в столице.

Будь домишко – бабушкино наследство – чуть побольше, имейся в нем хотя бы еще одна спальня, то комнату можно было бы сдавать внаем. Так нет же! На первом этаже – тесная прихожая, кухня с уборной и гостиная с оранжереей, а на втором – спальня и огромный балкон, закрытый от летнего солнца диким виноградом. Очаровательно, но чудовищно непрактично. Причем все это пространство заставлено старой массивной и на редкость уродливой мебелью. «Было заставлено», – мысленно уточнила Фэйм и ухмыльнулась. С какой же нескрываемой радостью она продала совсем недав-

но три инкрустированных перламутром столика времен позапрошлого регентства. Колченогие мебельные уродцы выводили наследницу из равновесия уже давно, еще в те благие годы, когда ее привозили сюда родители на целое лето. Сколько синяков набито об их углы – не пересчитать.

Хотя... на те 150 серебряных таларов, которые Фэйм выручила за столики, она жила уже два... Нет! Почти три месяца! И собиралась прожить до начала зимы. В первых числах нарви-месяца, если все сложится удачно, она продаст серьги с изумрудами, и тогда... Тогда, если совсем уж не повезет, придется принять предложение Лалиет.

Леди Аджит, урожденная Лорги, с самого начала предложила сдать в аренду весь дом, чтобы поселиться у нее в поместье в качестве почетной экономки. Но Фэйм отчаянно не хотелось расставаться со столь внезапно обретенной свободой и независимостью и к тому же терять дружбу с Лалиет. Оно ведь, пока не замешаны деньги, можно сколько угодно водиться высокородной замужней леди с одинокой вдовой убитого мага-заговорщика: сплетничать, секретничать, чаевничать и даже иногда позволять себе называть друг друга на «ты», как в детстве. А когда одна подруга начнет платить другой, тут очень скоро и дружбе придет конец.

Это ведь хорошо, что мистрис Эрмаад на завтрак предпочитает вареное яйцо и кусочек хлеба с маслом, а если бы эта самая мистрис взялась за старое и позволила себе салат с ветчиной, то надолго 150 таларов не хватило бы ни за что.

Зато куда только девалась легкая, едва намечающаяся полнота, которая так беспокоила мэтра Уэна Гвенол Эрмаада и столь регулярно и интенсивно питала его изысканное остроумие.

Фэйм подтянула пояс юбки еще на одну дырочку и довольно улыбнулась отражению в старинном зеркале. Ну, хоть какая-то радость, если уж приходится экономить на еде. Сангарра здорово отставала от столичной моды, что сильно способствовало сохранности содержимого кошелька. В старой юбке, штопаной блузке и растянутой на локтях кофте Уэн никогда бы не разрешил из дому выйти.

Порой Фэйм казалось, она выбирает из куцега арсенала своих нарядов самые старые и поношенные вещи не столько из экономии, а чтобы еще разок досадить покойному супругу. Оставить за собой последнее слово в так и незаконченном жестоком споре.

«Смотри-ка, милый мой Уэн, я хоть и в старье, но живая-здоровая, а ты, весь такой хитроумный и утонченный, гниешь где-то в общей могиле!» – с удовольствием подумала Фэймрил, затягивая шнурочки на ботах.

В первое время после приезда в Сангарру женщина частенько ловила себя на том, что бессознательно пытается соблюдать правила, насаждаемые мэтром Эрмаадом, которыми он опутал домочадцев, словно паук паутиной. И добро бы речь шла только о нарядах.

«Так, Уэн, брысь обратно в преисподнюю!» – шикнула на

призрака Фэйм, легко подхватила корзинку и выскочила на согретое мягким осенним солнцем крыльцо, громко хлопнув дверью.

Мыр-р-р-р-р! Это полосатая соседская кошка деликатно напомнила про давний уговор – мистрис Фэймрил угощает ее чем-нибудь вкусненьким, а взамен получает эксклюзивное право чесать за кошачьим ушком и играть с фантиком. Очень выгодно, не правда ли, мистрис?

– На обратном пути, Шиим, – извинилась женщина. – Может быть, попробуешь все-таки поймать мышку, ради разнообразия, а?

«Как вам такое только в голову пришло? – поразилась златоглазая красотка, нервно дернув полосатым, как чулки столличных модниц, хвостом. – Откуда эти дикие мысли?»

– Ну, как знаешь, – пожала плечами Фэйм. – Жди тогда, скоро приду.

Она легко шагала по узкой улочке, уводящей путника вниз к Рыночной площади, и жалела только о том, что не может себе позволить скакать вприпрыжку, как в детстве. Несolidно, и соседи не поймут. Вот, скажем, мистрил Биджай точно не поймет и не одобрит. Он вообще не одобряет незамужних женщин, считая их средоточием всех пороков, вместе взятых.

– Доброе утро, мистрил Биджай, – как можно ласковее проворковала Фэйм. – Отличная погода.

– Доброе, мистрис Эрмаад, – чопорно кивнул сосед. – Скоро зима.

Да, скоро зима, это он точно заметил. Но мы ведь совсем не боимся зимы, а, мистрис? Уже не боимся. Подумаешь, зима? Это же Сангарра, а не Эарфирен. Тут даже снег выпадает один или два раза за весь холодный сезон и за окном никогда не кружит метель, не воеет вьюга. Осталось только запастись дровами.

Мысли плавно перетекли с дров на средства для их приобретения, но испортить чудесное настроение так и не сумели. Колечко с сапфиром – подарок отца к свадьбе – как раз пойдет на отопление нынешней зимой. Камень великолепен, как уверял личный ювелир императора, и за него можно выручить кругленькую сумму. И еще одной головной болью меньше.

Не торопясь, без всякой спешки, Фэйм прошлась по лавкам, постепенно заполняя корзинку снедью. За кусок говяжьей голяшки пришлось немного поторговаться, но мясник, любезнейший мистрил Макхеш, не смог устоять перед аргументами «столичной вдовушки» и быстро сдал позиции. Ну где это видано, чтобы фунт жилистого мяса стоил больше 1 талара и 15 сетов? Нет таких цен, мистрил Макхеш, и не было никогда.

Потом был зеленщик и бакалейщик, которые предпочли не спорить с мажьей вдовой. А то мало ли, может, ее супруг-ник покойный научил своим зловредным фокусам, прежде

чем откинуть копыта?

Как? Вы не знаете, что у колдунов вместо ступней копыта? Вообразите себе! И хвост! С кисточкой.

Забавно, но лишь поселившись в Сангарре, Фэйм оценила преимущества, даруемые сомнительным счастьем совместной жизни с волшебником. Впервые за все пятнадцать лет брака. Отчего-то в Эарфирене она все время чувствовала себя не привилегированной особой, а прокаженной.

Впрочем... все уже в прошлом... Да здравствует Сангарра!

На обратном пути Фэйм сделала уступку общественному мнению и зашла в храм ВсеТворца, чтобы сделать мелкое пожертвование общине и воскурить палочку благовония перед алтарем в память о Кири... Киридис Фэймрил Эрмаад.

– Береги ее, – шепотом попросила вдовая мистрис вместо традиционной молитвы. – И... спасибо Тебе за все!

Она никогда не была особенно религиозна, полагая, что ВсеТворец читает в сердце каждого и от бесконечного повторения одних и тех же слов Он внимательнее не становится. Торчать в храме по четыре раза на дню, как это делали многие знакомые столичные леди, Фэймрил не хотела, но старалась не привлекать к себе внимания показным пренебрежением обязанностями честной прихожанки. Раз в неделю отметиться – более чем достаточно, чтобы не вызвать пересудов.

Это был восьмой день второй десятидневной недели вто-

рого месяца осени – тол-ат-нэнил,¹ в храме воскурляли смолу-равинд, и ее терпкий аромат смешивался с запахом прелых листьев. Теплый дым поднимался вверх под самую крышу, окутывая полупрозрачным саваном золоченую статую ВсеТворца-Зиждителя, простершего все десять своих рук над грешным миром – защищая, прощая и любя.

Фэйм закрыла глаза, прислушиваясь к тихому шелесту поминальных листочков, развешанных в оконных проемах. Кто знает, может быть, Кири уже родилась снова? Разве она успела нагрешить за свой единственный прожитый день?

И вспомнилась вдруг бабушка, которая если и появлялась в храме вообще, то лишь раз в году, в последний безымянный день лайка месяца,² чтобы совершить жертвоприношение и помолиться о душах предков. Считалось, что это рискованно, особенно для здоровья, но леди Ииснисса вопреки всем ожиданиям дожила почти до ста десяти лет. Видимо, молитва ее была искренняя, а дары от всего сердца.

Бабушка всегда говорила: «Фэймрил, никогда не обращайтесь внимания на пересуды, нет смысла забивать себе голову мыслями о том, что будут молоть чужие языки. Будьте выше сплетен, будьте выше грязи». Леди Иисниссу Ле Калидас воспитывали в старых традициях эльлорской аристокра-

¹ *Тол-ат-нэнил* – буквально восьмой (день) – второй (недели) – нэнил (второй месяц осени).

² *Лайк месяц*– 10 безымянных дней между вторым и третьим зимними месяцами сулим и рингари.

тии, и она обращалась на «вы» даже к годовалому младенцу.

Фэйм старалась быть выше даже тогда, когда из окружающей со всех сторон «грязи» у нее только нос торчал. И порой ей казалось, что бабушка ею и в самом деле очень гордится. Оставила же леди Калидас свой особняк не кому-то, а – Фэймрил. Хотя, к бабушкиному неудовольствию, та все же утратила право именоваться «леди» из-за своего во всех смыслах недостойного брака с мэтром Эрмаадом. Впрочем, все относительно: особняк – это слишком сильно сказано, а иной родни, кроме внучки, у старушки не осталось.

Нельзя сказать, чтобы после посещения Дома ВсеТворца у Фэйм становилось легче на душе, но в этот тол-ат-нэнил женщину с самого утра переполняла необъяснимая радость, и та разве только не на крыльях летела к выходу из храмового сада. Эта вопиющая беспечность и неуместное благодушие не могли остаться безнаказанными. Просто не могли – и все.

В первый миг Фэйм показалась, что она с разбегу врезалась носом в каменную стену, из глаз аж искры брызнули. Второй мыслью было отчаянное: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Третьим – неукротимое желание бежать. Но вместо того чтобы броситься наутек, мистрис Эрмаад совершенно неизящно пригнулась и на цыпочках подкралась ближе, прячась за кустами и страшась одного – мужчина в темном плаще услышит, как отчаянно стучит ее сердце.

Лорд Росс Кайлин Джевидж, канцлер, патрон Тайной Службы, советник Императора и прочая и прочая, стоял, засунув руки в карманы длиннополого плаща с пелериной, наподобие тех, которые носят кавалеристы, и внимательно вглядывался в каждого проходящего мимо человека. Явно поджидая кого-то. Кого именно высматривал Росс Джевидж, лично у Фэйм сомнений не вызывало – ее. Кого ж еще?

Росс Джевидж повернулся в профиль, и мистрис Эрма-ад, к счастью своему, почти не рисковала встретиться с ним взглядом. Иначе точно дала бы стрекача прямо через кусты. Наверное. Все-таки привычка идти наперекор желаниям иногда очень полезна, что ни говори.

«Спокойно, спокойно, девочка моя, – сказала Фэйм себе. – Присмотрись получше, вдруг ты обозналась?» Слабое утешение и тщетная надежда – его трудно с кем-то перепутать. Нет, ничего особенного в чертах лорда Джевиджа не имелось: серые глаза, прямой ровный нос, четко очерченная линия губ, впалые щеки, тяжелый подбородок. Вот только глаза слишком глубоко посажены, а над ними нависают густые брови, нос слишком велик, а рот широк и перекошен набок. Некрасивый немолодой мужчина, к тому же и очень неприятный человек со скверной привычкой мстить за малейшую обиду и убивать всех, кто, по его мнению, замыслил против власти императора. Раилов Пес – звали его за глаза. Людская молва, в свою очередь, утверждала, что Росс Джевидж состоит из костей, дубленой кожи, стальных нервов и

звериной подозрительности.

«Почему он один? Где его злобная свора акторов?»³ – озадачилась Фэйм, так и не заметив рядом с Россом ни единого человечка из Тайной Службы. А ведь у мистрис Эрмаад глаз на таких людей набит давным-давно. Но как следует поразмыслить над этой загадкой Фэйм не успела. Лорд Джевидж покинул свой пост и направил стопы в храм. Самое время дать деру.

Разумно рассудив, что береженого бережет ВсеТворец, Фэйм вышла из храма не через ворота, как все остальные прихожане, а своим, заранее продуманным путем. Еще весной она под видом интереса к выращиванию гортензий исследовала весь храмовый сад на предмет потайной лазейки. Мистрис Эрмаад всегда так делала – оказавшись в незнакомом месте, первым делом искала черную лестницу. Только так и можно выжить, так она и выжила.

Никто из монахов и стражи за полгода не обнаружил, что несколько штакетин в заборе можно отогнуть и тогда не слишком упитанная женщина вполне может проскользнуть в образовавшуюся дыру.

Вокруг квартала, где располагалось ее убогое домовладение, Фэйм обошла несколько раз, проверяя отсутствие слежки. Правда, для этого пришлось зайти в гости к мистрилу и мистрис Дипали, якобы за образцом для вышивки, и проторчать там чуть ли не до обеда, зато из окна их гостиной

³ Актор – действующий полевой агент Эльлорской Имперской Тайной Службы.

открывался прекрасный вид на всю улицу и ни один подзрительный или просто незнакомый прохожий не мог пройти незамеченным. Прелесть маленьких городов вроде Сангарры в том, что там все знакомы со всеми и очень трудно сохранить инкогнито. Тем паче в начале мертвого сезона, когда курортники уже разъехались.

– Что-то вы сегодня бледны, мистрис Эрмаад. Вас так замучили мигрени? – участливо поинтересовалась хозяйка. – Вот когда я была молода, то по соседству с нами живал один замечательный целитель. – Она обратила взор на задремающего супруга: – Риваллон, вы помните мэтра Кришни?

– Ась?! – вздрогнул достойный мистрил, с трудом продирая заспанные глаза. – Что?

– Мэтра Кришни, я говорю, вы еще не забыли?! – прокричала пожилая дама и тут же, не дожидаясь ответа, предалась воспоминаниям о достойном мэтре, который так чуждо и безболезненно лечил всяческие хвори, проистекающие у женщин от избытка лишних мыслей, в частности вечерние мигрени.

Фэйм довольно ехидно усмехнулась в ответ. У нее никогда не было особенной необходимости болеть «вечерними мигренями». Когда Уэн жаждал исполнить супружеский долг, то ему было плевать на любую хворь, хоть умирай, а «жажду» его удовлетвори.

– Я просто рано встала сегодня, – успокоила гостя мистрис Дипали. – Не переживайте, все пройдет.

– Да, да, милая наша Фэймрил, приляжете после обеда вздремнуть, и все как рукой снимет. Только не спите до самого захода солнца – это страшно вредно.

«Будет чудом, если я вообще теперь сумею заснуть».

Так и не выявив хоть каких-то признаков слежки, а заодно объевшись пирожков с капустой, Фэйм распрощалась с соседями и пошла домой.

Прошло больше года, рассуждала она, за это время можно всю империю перевернуть в поисках вдовы Уэна Эрмаад. Если бы Росс возжелал ее найти, уже давно нашел бы. Вдруг его привели в Сангарру какие-то тайные дела, не имеющие отношения к Фэйм? Вдруг это – случайность, простая банальная случайность?

Верить в случайности мистрис Эрмаад перестала лет в двадцать. И вся дальнейшая жизнь в столице стала тому ярким свидетельством. Но, говоря откровенно, ей уже так надоело бояться собственной тени, так надоело трястись от страха при каждом резком звуке, что вместо лихорадочных сборов и подготовки к бегству Фэйм стала варить жаркое. Надела фартук, подвязала платком волосы и занялась готовкой. Спасибо наставницам из пансиона «Длань Назидающая», научившим ее кое-как куховарить, иначе несладко бы пришлось без поварихи. За последний год Фэйм практически освоилась на кухне, но любви к кулинарному искусству новые знания ей не прибавили, и до хитрых десертов дело не дошло. Овощной суп, разнообразные каши, рагу, жаркое,

яичница, яйца вкрутую и гренки – вот и все меню. А ведь поначалу сидела на молоке и хлебе.

Зато Фэйм обнаружила, что домашняя работа очень хорошо успокаивает нервы – что готовка, что уборка. Режешь ли ты овощи или чистишь ли ковер, а мысли текут ровно и плавно, как вода в дельте Аверна. Накрыв крышкой кастрюлю и собрав в ведро очистки, мистрис Эрмаад смогла присесть и почувствовала, как ее покидает нервная дрожь – результат неожиданной встречи со старым недругом. Вот теперь можно и пораскинуть мозгами над причинами и следствиями удивительной встречи. Не состоявшейся, к великой радости.

Лорд-канцлер, лорд Джевидж никогда не делал ничего бессмысленного, это знал каждый подданный Императора Раила Второго. За ним водилась слава человека невероятно работоспособного, решительного, неумолимого, жестокого к себе и другим. И говоря откровенно, ему всегда находилось, чем заняться. И чтобы сверхзанятый Росс Джевидж отложил все дела и самолично отправился на поимку какой-то беглой тетки? Видано ли такое? Насколько помнила Фэйм, даже ловить убийц Императрицы Анвэнилы Росс послал трех лучших акторов Тайной Службы, приказав брать преступников живыми или мертвыми. Но сам и с места не сдвинулся. Непокойный Эарфирен нельзя оставлять без надзора, как не стоит отходить лекарю от постели тяжелобольного, чтобы не пропустить миг смертельного кризиса. Что ни год, то но-

вый заговор, и любое промедление способно обернуться катастрофой для политика такого уровня.

«В таком случае что же Росс Джевидж делает в Сангарре?» – спросила себя Фэймрил и, пока варилось жаркое, так и не нашла вразумительного ответа. Сангарра – всего лишь курортный городок, знаменитый своими целебными источниками, и больше здесь заняться нечем. Не лечиться же лорд-канцлер сюда приехал?

Ведь, если вспомнить, весь вид его был до крайности страшен. Волосы, короткие черные с проседью волосы, отросли на недопустимую длину, закрывая шею. Трех... нет! – почти пятидневная щетина на подбородке. И эта качающаяся неровная походка... Не секрет, что лорд Джевидж может не просто выпить, но и напиться в стельку, но делает он это только в своем загородном доме и лишь по большим праздникам. Да и не похож он на пьяного.

Росс двигался не просто неуверенно, он еще и прихрамывал, вспомнилось Фэйм. У всемогущего канцлера очень сильно болела правая нога, он ее приволакивал. Как все-таки приятно знать, что старый выродок уязвим точно так же, как и все остальные смертные, что ему тоже больно.

«Не такой он уж и старый, девочка моя, – неделикатно и весьма несвоевременно напомнила совесть. – Ему всего лишь сорок, и у тебя самой не за горами эта круглая дата».

Как раз этой весной Росс Джевидж разменял пятый десяток, а Фэйм Эрмаад собиралась встречать свое тридцатише-

стилетие в канун Нового 389 года Илдисинг.⁴

Помнится, аккурат 17 вирке⁵ злопамятная вдовушка искренне «поздравила» канцлера словами: «Чтоб ты сдох, упырь!» – и пожелала ему скорее окочуриться от заворота кишок, например. Пускай бы дольше мучился. На точное исполнение своего желания Фэйм не надеялась, но и просто-го перелома будет вполне достаточно. На первое время. Для Росса Джевиджа ничего не жалко.

Время порвалось, как ветхая тряпка, с мягким противным треском, и Фэйм провалилась в образовавшуюся прореху...

– Мистрис! Мистрис! Вы спите? Откройте!

Илидир буквально ломился в дверь спальни.

– Сейчас!

Фэйм накинула на плечи теплый палантин и поспешила отворить, чтобы в оцепенении застыть посреди комнаты при виде ночного гостя. Помощник мужа выглядел так, словно его волокли лошадьми по мостовой: все лицо в синяках и кровоподтеках, волосы наполовину сгорели, от одежды на груди, животе и коленях остались клочья. А в руках у него... револьвер. И не старинный, из коллекции Уэна, а новейшей системы полковника Улеама – самозарядный «медведь».

– Мистрис, мятеж подавлен, мэтр убит, вам надо бежать! –

⁴ Нового 389 года Илдисинг – 15 сулим (второй месяц зимы) празднуется наступление 389 года правления династии Илдисингов.

⁵ Вирке – первый месяц весны.

выпалил на одном дыхании Илидир и заметался по комнате как ошпаренный. – Скоро здесь будут люди Урграйна! Спасайтесь, мистрис. С вами никто не станет церемониться.

Слепой Фэйм не была, глухой тоже, а самое важное, что бы там ни говорил Уэн, никто не смог бы упрекнуть мистрис Эрмаад в глупости и недалекости. Конечно, она видела – муж собирается принять участие в очередной авантюре, только надеялась, что у него не хватит духу присоединиться к заговорщикам на деле, а не лишь на словах. Уэн отнюдь не такой смельчак, каким любит себя выставлять в глазах молоденьких девушек.

– Нас предали, мистрис! Это было страшно! Никто не ждал, что Джевидж выведет на улицы войска! Они начали стрелять!!! Один залп за другим...

Илидир бился в истерике, пересказывая свои ночные приключения и наматывая сопли на кулак от жалости к себе, а Фэймрил пыталась выдавить из него подробности гибели Уэна. Как это произошло? Где тело?

– Мэтр сгорел заживо... Я сам видел... это кто-то из подручных Трифина Ирттаны... я не уверен, но... в мэтра угодил зажигательный снаряд... Он вспыхнул как факел... как сразу сотня факелов... Страшное зрелище, мистрис!

Новоиспеченная вдова чопорно поджала бледные губы. Сдерживая изо всех сил счастливую улыбку, рвущуюся наружу сквозь стиснутые зубы. Вид полыхающего, точно чучело Зимней Ведьмы, Уэна Эрмаада, пожалуй, стал бы главным

подарком ей на Новый год. Но, видно, не судьба.

– Вам надо бежать, мистрис! – уверенно подытожил бывший ученик мага. – Вы же знаете, что ждет семью мага-заговорщика?

Уж Фэйм-то знала лучше, чем кто-то другой, – либо эшафот, как в старые времена, ибо законы остались прежними, либо ссылка где-нибудь далеко-далеко, откуда не возвращаются, в дань моде на цивилизованность в системе наказаний преступников. У жен магов много привилегий, но и спрашивают с них наравне с мужчинами. Ведь ни для кого не секрет, а также имеется множество исторических прецедентов, когда женщины, получившие доступ к запретному знанию, становились опаснее самых безумных фанатиков. И чего менее всего следует ожидать, так это милосердия от лорда Росса Джевиджа. Он начнет с конфискации всего имущества в пользу короны, а закончит каторгой.

Не прошло и часу, как мистрис Эрмаад покинула дом, где прожила пятнадцать лет, с одним лишь саквояжем в руках, где помимо смены нижнего белья, пары платьев и шкатулки с украшениями не было ничего лишнего. Гримуар Уэна вдова оставила дознавателям из Тайной Службы, а к мужниным колдовским игрушкам она и в лучшие времена старалась не прикасаться. Ее никто не провожал – прислуга разбежалась, Илидим тоже спасал как мог свою шкуру.

Две ночи она пряталась в храме ВсеТворца-Крушителя, а потом... потом, когда волнения в столице улеглись, Фэйм

села в дилижанс, едущий на Эктарское побережье. Сангарра располагалась как раз на полпути к теплому морю.

Бледную женщину в черном вдовьем одеянии с поминальным платком в руках никто из попутчиков старался не беспокоить. Во-первых, это – плохая примета, а во-вторых... слишком уж роскошен был платок. Все решили, что у несчастной женщины по-настоящему большое горе. Лило-вые птицы на черном фоне и белые цветы шиповника – символы траура, страха и печали подавленного духа. Так оно и было, вся эта печаль и страх, только Фэйм вышивала его для Кири и только для нее.

На деле женщина была по-юношески преисполнена тревожных надежд и призрачных планов. С документами на дом бабушки на дне саквояжа и мешочком с пятнадцатью золотыми таларами, подвязанным под юбкой, Фэймрил чувствовала себя относительно уверенно. Кстати, именно бабушка – леди Калидас – подарила первую золотую монету и надоумила новобрачную каждый год приобретать к годовщине свадьбы по одной такой же монете. Главное – делать это втайне от мужа. Никогда ведь не знаешь, где пригодится кругленькая сумма никем не учтенных доходов.

Фэйм последовала совету бабушки и, видит ВсеТворец, не прогадала.

Интересно, что случилось с Илидиром? Наверное, убили погромщики...

От неожиданного, хотя и негромкого, почти деликатного стука в дверь Фэйм чуть со стула не свалилась. Кого это там принесло? Акторы Тайной Службы стучать не будут – это понятно, у них в правилах вламываться без спросу, а сангаррцы сейчас все поголовно предаются послеобеденному отдыху. Посему открывать Фэйм пошла с маленькой сковородкой, предназначенной для жарки блинов, в руках. Мало ли что?

Она рывком распахнула створку и едва к полу не приросла. Лорд Джевидж заворуженно уставился на нее своими бесшеними глазами и, заикаясь, выдавил из глотки:

– Ф’эйм? Ф’эйм’рил... Эрма’ад?

В ответ она отлично поставленным резким ударом правой засветила ему сковородкой прямо в лоб. Словно всю свою жизнь только и делала, что лупила мужчин тяжелыми предметами по голове.

Глаза у лорд-канцлера закатились, он пошатнулся и рухнул, сначала на колени, а затем лицом вперед, прямо под ноги оторопевшей Фэйм.

Как заправская преступница, она быстренько огляделась вокруг, проверяя отсутствие свидетелей безумной сцены, и с неожиданной от себя самой силой затащила бесчувственного лорда Джевиджа в дом. Признаться по правде, она не ожидала, что он окажется таким дьявольски тяжелым – пока Фэйм волокла тело на кухню, с нее семь потов сошло. Перевернув нежданную добычу, мистрис Эрмаад одновременно восхи-

тилась и ужаснулась. Восхитилась... нет, вовсе не собственной отваге и даже не огромной шишке, которая вспухала на лбу у Росса Джевиджа прямо на глазах, а тому, как стремительно сбылись ее «добрые» пожелания канцлеру. Наверное, не так давно благородного лорда здорово отлупили, потому что на левой скуле красовалась огромная ссадина, а губы разбиты, и неоднократно. Это не считая совершенно свинской щетины и гноящегося шрама на шее. За-ме-ча-тель-но! Наконец-то Росс Джевидж получил по заслугам.

А ужаснулась Фэйм возможным последствиям своего героического поступка. И что теперь прикажете делать с этой тушей? Добивать или приводить в чувство?

«А не отходить ли его ногами, пока в себя не пришел?» – закралась соблазнительная мысль. Была у мистрис Эрмад одна знакомая дама, чей супруг регулярно прикладывался к бутылке, чередуя возлияния с тяжелыми побоями для всех домочадцев. Но стоило слугам принести храпящее тело домой и уложить его на диван в гостиной, как мстительная мистрис давала выход гневу – с помощью острых каблуков туфель и его же трости, вкладывая в каждый удар всю свою ненависть к мучителю. А когда наутро помятый хозяин дома жаловался на боль в разных частях тела, искренне его жалела и мягко сетовала на неумеренный образ жизни. Так они и жили, и каждый, пожалуй, был по-своему счастлив.

Фэйм присела на корточки рядом с бесчувственным лордом. Беглый осмотр одежды и содержимого карманов под-

твердил, что в последнее время дела у могущественного лорда шли совсем плохо. Рубашка из грубого полотна, серая от неумелой стирки, брюки вообще чужие – их явно носил кто-то гораздо выше ростом, а потому пришлось подворачивать штанины, плащ заскорузлый от грязи, а сапоги... Сапоги – это просто позор и срам. Даже нищий не наденет такого рванья. В одном кармане у Росса нашелся столовый нож в самодельном чехле, а другом несколько мелких серебряных монет. Никаких документов и подорожных, даже носового платка нет.

– Что же с вами приключилось, милорд? – задумчиво молвила Фэйм, в замешательстве разговаривая вслух сама с собой. – Вы ли это?

Но Росс Джевидж пребывал душой где-то в эфирных сферах и не мог ответить.

– А если я вас свяжу, милорд? Вы не будете возражать? Так... от греха подальше.

Полотенец было жалко, но ничего лучше для надежных пут она придумать не могла. Если полотно смочить водой и покрепче затянуть узлы, то они будут держать не хуже кандалов.

Но полностью стреножить приبلудного канцлера ей не удалось, потому что в двери опять постучали.

– Кто там?! – крикнула вдова Эрмаад, истово молясь Всетворцу, чтобы это не оказался дежурный полицейский из городской стражи.

– Это я, милочка Фэйм! – приглушенно пискнула мистрис Сефасена Дилад Анирунжа.

Это ж надо как вовремя! Вот кому-кому, а Сефе тайну доверить нельзя никакую, ни большую, ни маленькую. Разболтает всей Сангарре и окрестностям тут же.

– Одну минуточку! Уже бегу! – отозвалась хозяйка и стала заталкивать непослушное и большое тело Джевиджа в кладовку. – Дорогая, я уже иду! Какие у вас тяжелые кости, милорд, – шипящим шепотом сетовала она. – Точно свинцом налитые.

Мистрис Сефасена ворвалась в гостиную пухленьким кружевным вихрем, приняхиваясь, точно гончая, взявшая след.

– Какой странный запах! Какими-то тряпками? Сапогами?

Подразумевалось, естественно, мужскими. Неудивительно, что гостья как бы невзначай заглянула под диван и за шелковую ширму.

– Я ничего не чувствую, – светски улыбнулась Фэйм и многозначительно добавила: – Добрый день, Сефасена. У вас что-то случилось?

Подруга детства очнулась от захватывающего поиска тайного любовника вдовы Эрмаад и окатила ту целым потоком незаслуженных любезностей, пытаясь загладить впечатление. Разумеется, великодушная Фэйм не стала обижаться,

а предложила выпить по чашечке кофе, преследуя две цели – ублажить подозрительную подругу и проверить, на месте ли Джевидж. За глоток горькой бодрости Сефа сменила гнев на милость, а поверженный сковородкой лорд пребывал в беспомощности, и Фэймрил решила, что пока все складывается удачно.

– Есть ли какие-то новости из столицы? – как бы невзначай полюбопытствовала мистрис Эрмаад, вернувшись в гостиную. – Что пишет кухня Маргодис?

– А что именно вас интересует, милая моя Фэйм? Мода? Сплетни?

– Политика, – сладко пропела хозяйка, заставив гостью мелодично расхохотаться.

– Вы шутите? Ха-ха. Политика...

– Ну, мало ли? Вдруг у его императорского величества завелся новый фаворит или раскрыт очередной заговор?

– Помилуйте, станет ли кухня Маргодис интересоваться всей этой скукой и мерзостью? Скажете тоже...

Вот тут лапушка Сефа очень сильно ошибалась, в Эарфирене политика – важнейшее из занятий, при этом смертельно опасное как для мужчин, так и для женщин.

– Что-то я давно ничего не слышала о канцлере Джевидже, – пошла в лобовую атаку Фэйм.

– Помилуй ВсеТворец! Нашли, кого помянуть всуе, милочка, – охнула Сефасена, инстинктивно делая жест, отвращающий духовную скверну. – Похоже, вы сегодня не в на-

строении.

– Голова болит, – притворно вздохнула вдова и довольно громко простонала: – Ох-о-хо, – массируя переносицу.

Лишь бы заглушить другой тихий стон, доносящийся из кухни.

– Вы тоже слышите? – насторожилась мистрис Анирунжа.

– Кошка, – мгновенно отреагировала Фэйм. – Соседская.

– Шиим греется на пороге.

Пленник кладовки снова заскулил.

– О! Тогда... крыса, – быстро нашлась хозяйка. – У меня в подполе живет древесная крыса.

Сефа побледнела и поджала ноги.

Как это она раньше не догадалась упомянуть про крысу, дала себе мысленного пинка Фэймрил. Подруга с самого детства до смерти боится крыс и мышей, хотя древесные тварюшки – обитатели фруктовых садов, несмотря на название, даже не грызуны, а стало быть, нечего их страшиться.

Но уловка подействовала. Сефасена не рискнула оставаться под одной крышей со страшным хвостатым чудовищем – одарила подругу парочкой звонких поцелуйчиков рядом с ухом и сбежала.

Едва за ней закрылась дверь, как Фэйм ринулась на кухню. И очень вовремя, надо сказать, потому что Росс Джевидж как раз очнулся.

– Кто? – вдруг прошептал он. – Зачем? Кто... ты... такая? – повторил Росс требовательно и даже сварливо.

Интимное «ты» бритвой резануло слух, и лишь чудом ВсеТворца Фэйм удержалась от пощечины наглецу.

– Судя по всему, Воплощенное Милосердие, лорд Джевидж, – язвительно заявила она.

Его затуманенный и мутный, как в разгар тяжелого похмеля, взгляд вдруг обрел соколиную ясность.

– Как вы меня... назвали?

От звука этого голоса хотелось втянуть голову в плечи, но «вы» – это уже гораздо лучше и правильнее.

– Хорошо, я сдаюсь, – буркнула раздосадованная женщина, коря себя за слунтяйство и трусость. – Лорд Росс Кайлин Джевидж, если вам угодно.

Но вместо привычного холодного презрения в серых глазах канцлера вспыхнул огонек подлинной радости.

– Росс. Кайлин. Джевидж, – медленно повторил он.

Похоже, лорд получал огромное удовольствие от каждого слога собственного имени, буквально смакуя их.

– Росс... Кай-лин... Дже-видж.

Теперь он знал свое имя. Такое теплое чувство – словно замерзшую на морозе руку сунул в мягкую перчатку по размеру – растеклось по заоченевшему телу.

Росс – хорошее имя, понятное и удобное. Р-о-о-о-с-с-с... Росс Джевидж – еще лучше. По крайней мере, звучит решительно. Всего два коротких слова, а звонкой пустоты в разуме как не бывало. Кайлин – имя матери.

– Кай-лин, – прошептал Росс, прислушиваясь к себе, терпеливо ожидая отзыва – горячей приливной волны, с которой приходят воспоминания.

Но бесполезно и оттого вдвойне обидно. Казалось, достаточно услышать имя родителей (ведь были же у него родители?), и все это отчаянное безумие разом закончится. Разочарованный лорд до крови прикусил губу.

«Нич-ч-ч-чего, – сказал он сам себе. – Прорвемся!» Хотя с каждой неудачей, с каждым срывом планов верить в свою удачу становилось все сложнее и сложнее.

Джевидж снова и снова вглядывался в подозрительно знакомое, но болезненно неузнаваемое лицо женщины, все еще сидевшей рядом на корточках. Где-то он уже видел эти золотисто-карие глаза. Где-то и когда-то... Но нет, не вспомнить даже под пыткой, хоть режь, хоть жги. Просто женщина лет... э-э-э... тридцати с небольшим, не слишком худая, высокая, темно-каштановые блестящие волосы собраны в тугой вдовий узел. Пожалуй, нос слишком тонкий для широкого лица, и подбородок тяжеловат. Одним словом, не красавица и не первой молодости, к тому же бедно одетая.

«На себя посмотри, урод!»

– Развяжите мне руки, леди... – попросил было Росс, но незнакомка тут же его поправила:

– Мистрис, если не возражаете.

«Странно», – подумал он. Умение безошибочно определять в человеке благородное происхождение Джевиджа ни-

когда не подводило.

– Я не сделаю вам ничего дурного, мистрис. Развяжите меня.

Получилось проникновенно, без запинки и унижительного заикания.

– И тогда вы уйдете? – напряженно поинтересовалась женщина.

– Нет.

– Почему же?

– Не знаю, – отрезал Росс. – Но, если развяжете, п-постараюсь объяснить.

«Ну вот! Опять началось!» Он презирал и ненавидел себя за внезапные приступы дурацкого заикания.

От круглого талисмана на груди, спрятанного под рубашкой, волнами расходился неприятный зуд. Джевиджу жутко хотелось почесаться и глянуть на свое единственное сокровище, а тут руки связаны.

– Зачем вы тогда пришли? – не унималась хозяйка.

– Развяжете – скажу.

– Слушайте, милорд, это дьявольски похоже на шантаж, – возмущению дамы не было предела.

– А это, – он кивнул на свои посиневшие, перетянутые мокрыми полотенцами руки со скрюченными пальцами, – еще сильнее п-похоже на пытку.

Женщина колебалась, балансируя между паникой и упрямством. Теперь бы не спугнуть ее.

– П-п-просто ослаб-бьте узел и отойдите на б-безопасное расстояние, если вам угодно, – сказал он самым безобидным тоном, стараясь не делать резких движений.

Она выполнила просьбу, предоставив Россу самому выпутываться с помощью зубов, но когда руки оказались на свободе, то первое, что они сделали, совершенно против воли хозяина, это выдернули из-за пазухи медальон. На аверсе имелась гравировка Королевской ОгнеПтицы,⁶ как на старинной монете, а с реверсной стороны было написано: «Приложи меня ко лбу». Росс последовал рекомендации, прижав ладонью теплый кругляшок чуть выше переносицы, какое-то время сидел, молча прикрыв непроизвольно дрожавшие веки.

Это было... потрясающе... как воскрешение из мертвых...

Когда ощущение то ли падения в пропасть, то ли вознесения к небесам кончилось, он открыл глаза и уставился на кареглазую даму с искренним и неподдельным интересом.

– Фэймрил Эрмаад, я полагаю, – сказал Джевидж уже совсем другим тоном.

– Она самая, милорд, – церемонно склонила голову женщина. – Что вам нужно в моем доме? Что вы вообще здесь делаете?

– Если бы я знал, – вздохнул Росс, беспомощно разведя руками, и, словно внезапно очнувшись от сна, стал нервно

⁶ Королевская ОгнеПтица – Птица ОгнеЖизни (т. е. Феникс).

оглядываться по сторонам. – Это ведь... не Эарфирен?

Мистрис Фэймрил насмешливо фыркнула:

– И даже не Нэну.

Считалось, что в священном для каждого верующего городе безумцы излечиваются быстрее всего, и, по ее мнению, Росс Джевидж как раз нуждался в срочном паломничестве туда.

– Логично, – взгляд незваного гостя стал затравленным. – Потому что я шел в Сангарру...

Он осторожно прикоснулся к шишке на лбу и кивнул в сторону сковородки.

– Это вы меня так приложили?

– Да, – не стала лукавить мистрис Эрмаад, и в голосе ее прозвучал нескрываемый вызов.

– Понятно.

Так вот почему воспоминания первой половины дня остались размытыми и смутными, больше похожими на сны, чем на реальность, догадался Росс.

– Можно я умоюсь?

И, не дожидаясь разрешения, поковылял к столику с тазом и кувшином.

«Все! Пропали мои полотенца, – подумала раздраженно Фэйм, наблюдая, как Джевидж оттирает окровавленный подбородок и прикладывает мокрое полотно к шишке, и, когда незваный гость снял грязный плащ и повесил его на гвоздь,

прямо на чистый запасной фартук, добавила: – И не только полотенца».

Ногу он таки приволакивал и вообще мало чем напоминал того лощеного светского льва, каким она знала канцлера в столице. И ведь не сказать, что Фэймрил была шокирована. Сбита с толку – да, но, когда имеешь дело с Россом Джевиджем, может случиться что угодно. Ходили слухи, будто ради раскрытия очередного заговора он мог пойти на такие крайности, о которых лучше в приличном обществе не пересказывать, ибо чревато для репутации. Джевидж дергал за ниточки очень многих политиков и сам играл в опасные игры, но сейчас... совсем не похоже, чтобы это было очередное лицедейство.

– Хотите чаю, милорд? – дипломатично спросила она, зажигая спиртовку под маленьким чайником. – Заодно расскажете, что с вами приключилось и как вы оказались в Сангарре.

– Откуда вы меня знаете? – ответил вопросом на вопрос Джевидж.

Фэйм чуть не выпалила: «Да кто же не знает лорд-канцлера и тайного советника Императора?!» – но вовремя придержала свой бабий резвый язык. Излишняя откровенность – это последнее, что необходимо для общения с Россом.

– Я встречала вас в столице. Чуть больше года назад, когда еще был жив мой муж, – уклончиво молвила мистрис Эрмад. – Разве вы не помните?

Совсем ведь не обязательно нагло лгать, верно? Особенно если дается возможность ничего не уточнять. Обтекаемость фраз, многозначительность и несколько возможных трактовок – достаточно, чтобы никто потом не стал укорять за вранье.

Джевидж тяжело уселся на стул и вытянул перед собой больную ногу.

– Нет, мистрис Эрмаад, я ничего не помню, я вообще ничего не помню из того, что случилось ранее 5-го числа лотиса месяца.⁷

Сказал так, словно каждое слово обжигало губы. И тяжело сглотнул.

⁷ *Лотис* – второй месяц весны.

Глава 2

Ночь нежна

Маленькая беленькая чашечка смотрелась в ладони Росса нелепо. Так, словно взрослый мужчина решил поиграть в кукольное чаепитие, отобрав сервизик у маленькой девочки. Но лорда Джевиджа эта несурезица ничуть не смущала. Он преспокойно отхлебывал из хрупкой посуды по крошечному глоточку, хотя мог при желании полностью засунуть чашку в рот, а также прожевать и проглотить без ущерба для здоровья. И закусить грязными полотенцами. И запить из умывального таза.

– Вы голодны? – спросила Фэйм, услышав, как бурчит у него в животе.

– Не отказался бы от тарелки... – он звучно потянул носом, принюхиваясь, – э-э-э... чего-нибудь.

И пока женщина накладывала кушанье в тарелку, отрезала хлеб и доставала из плетеной корзинки вилку, Росс внимательно разглядывал кухню. По всем признакам, мистрис Эрмаад жила совершенно одна, обходясь без постоянной горничной или кухарки. Все факты налицо. Столовая посуда пылится в древнем, как этот мир, буфете, а пользуется мистрис лишь парой тарелок и несколькими чашками. Хотя вряд ли вдова делает всю работу по дому сама, руки у

нее пусть и загрубевшие, но не слишком натруженные, скорее всего, белье она отдает прачке, раз в месяц приглашает женщину для большой уборки, а каждые несколько дней – мальчика, чтобы наносить воды в медный бак и наколоть дрова. Из этого следует, что Фэймрил Эрмаад независима от семьи, но не слишком свободна в средствах. Муж не оставил денег? Или обобрали родственники? Скорее всего – и то и другое. На локтях строгой блузки с воротником-стойкой аккуратные заплатки, фартук переделан из старой простыни, юбку несколько раз ушивали в поясе. Порой Джевидж сам дивился собственной наблюдательности. Дивился и одновременно свирепел от бешенства. За каким дьяволом ему этот проклятый дар, если каждое утро он просыпается лишенным всяких воспоминаний, точно новорожденный ребенок?

Вдова, потупив взор, терпеливо ждала, когда ее непрощенный гость насытится. По крайней мере, готовила она неплохо. Неплохо для дамы благородного происхождения. Кто-то, может, и обманется заплатками на локтях, простой прической и коротко подстриженными ноготками, но аристократку выдают вовсе не одежда или ухоженные ручки. Умение держаться осторожно и вежливо, правильные привычки, учтивость и сдержанность у Фэймрил в крови, и этого не отнять неравным браком, годами бедности и незначительности.

– Вы унаследовали этот дом? – полюбопытствовал Росс самым светским тоном.

– Да. Бабушка завещала, – легко отозвалась она.

Росс удовлетворенно кивнул – его умозаключения оказались верны.

– И давно вы тут живете?

– Почти год.

«Так-так... Почти год...» Джевидж снова заработал челюстями, алчно поглядывая на остальное содержимое кастрюльки. Одинокой мистрис этого хватило бы на несколько дней обильных обедов, а голодному полоумному лорду – на один зубок.

– Вы жили в столице? – продолжил он свой ненавязчивый допрос. – Долго?

– Да. Долго.

Совершенно очевидно, Фэймрил Эрмаад не торопилась пересказывать летопись своей жизни. Скрывала или боялась? Уж что-что, а чувствовать чужой страх Росс Джевидж умел великолепно.

– Но вы хорошо помните меня?

– Более или менее, – увернулась Фэйм. – Я бы не назвала наше с вами знакомство... долговременным.

«Врешь!» – мысленно воскликнул Росс, но никак не выразил свое возмущение. Напротив, он понимающе кивнул, мол, мало ли в столицах всяких «лордов Джевиджей», вполне можно запомнить, где какой.

По-простецки вымакав подливку куском хлеба и допив остатки чая (примерно два с половиной наперстка остывшей жидкости), он выжидательно уставился на хозяйку:

– Выходит, у нас с вами было исключительно шапочное знакомство? Так? И ничего важного о моей личности вы рассказать не можете?

Женщина кисло усмехнулась и ничего не ответила.

– Что ж...

«Ах вот как? Мы решили попридержать информацию? – разочарованно скрипнул зубами Джевидж. – Думаете, так вам удастся обмануть убогого, мистрис Эрмаад? Так и мы никуда не торопимся и вполне способны подождать, когда на вас снизойдет желание поговорить откровенно».

– Теперь мне требуется привести себя в порядок – помыться, побриться, постираться, – заявил он решительно и резко. – А еще лучше – переодеться в чистую и новую одежду. В вашем доме есть ванна?

«Каков хам! Нет, вы слышали что-нибудь подобное? Неслыханная наглость!» – задохнулась от возмущения Фэйм, встречаясь взглядом с Джевиджем. Именно таким она его и привыкла видеть в столице – наглым, самоуверенным, безапелляционным и упрямым.

«Бесстыжая морда! Тоже мне, нашел служанку!»

Но Фэймрил Эрмаад не зря пятнадцать лет училась держать под контролем свой гнев и недовольство. Когда любой взрыв негодования в конечном итоге станет для Уэна долгожданным поводом для нового витка травли, невозмутимое спокойствие из правила хорошего тона превращается в

непробиваемые доспехи. Поэтому Фэйм одарила лорда Джевиджа любезной улыбкой и, не повышая голоса, сообщила:

— В моем доме есть ванна, а воды в баке хватит, чтобы ее наполнить, — она кивнула на одинокое ведро. — С бритвенными принадлежностями, сами понимаете, не сложилось, так же как и с новой мужской одеждой. В остальном же можете не смущаться относительно неудобств, которые вы мне доставите, а также незапланированных денежных трат. Насчет непоправимого ущерба моей репутации порядочной женщины вы тоже можете не переживать, милорд. Ну, подумаешь, весь город будет знать, что у вдовы Эрмаад поселился совершенно посторонний мужчина. Вам-то какое дело, верно?

Женщина окатила наглого непрошеного гостя ледяным, как сангаррские минеральные источники, и таким же горьким взглядом, развернулась на каблуках и стремительно удалилась. А то руки так и чесались взяться снова за ручку сковородки и украсить высокий лоб лорда Джевиджа еще одной шишкой. Для симметрии и коллекции, так сказать.

Выродок! Негодяй! Сволочь! Ввалился в чужой дом, перемазал грязью и кровью всю кухню, все сожрал, нагрубил (Да! Да! Да! Это хамское бесстыжее «ты» она ему не простит никогда), так еще и ожидает от нее услуг горничной. Скотина!

Памятуя о предательской скрипучести разохшихся половиц в спальне на втором этаже, Фэйм решила не уступать дурной привычке в душевном смятении метаться от стены к

стене. Не хотелось показывать Джевиджу свои слабости. Она залезла с ногами на кровать и вгрызлась зубами в уголок подушки, представив, как в корзине для грязного белья знакомая прачка находит грудку грязной мужской одежды. Сангарра – небольшой город, здесь все на виду, и для мистрис Эрмаад никто не станет делать скидок. Одинокую вдову исключают из тесного круга приличного общества, донельзя осложнив и без того тяжелую жизнь. Где-нибудь в блистательном Эарфирене или шикарном Каанефе на формальное «грехопадение» молодой вдовы никто внимания не обратил бы. И то не факт.

И не нужно смеяться и упрекать в ханжестве. Когда ты уязвима и беззащитна и все вокруг только и ждут, чтобы добить и окончательно погубить, единственная защита – доброе имя и репутация честной женщины. Такие ничтожные пустяки в глазах лорда Джевиджа, право слово. Что ему до Фэйм Эрмаад? Он пришел и ушел, а ей в Сангарре жить всю оставшуюся жизнь.

Она прислушалась к происходящему этажом ниже. Тяжелые шаги, журчание воды, короткие удары топориком по поленьям – бродячий лорд решил все-таки принять ванну. Фэйм досадливо пнула ногой маленькую подушку-думку. Этот полоумный придурок изведет на купание и стирку своего тряпья все запасы воды. Проклятый наглец!

А с другой стороны, Фэймрил ужасно хотелось узнать, что же с ним приключилось, почему Джевидж потерял память и

каким образом очутился на ее пороге избитый и одетый, как бродяга, вместо того чтобы поправлять пошатнувшееся здоровье в отдельной палате столичной лечебницы Милосердной Длани, где ему самое место.

В последний раз мистрис Эрмаад видела лорд-канцлера в конце прошлого лета, за два месяца до смерти Уэна. В столичной опере в честь его императорского величества давалась премьера «Сказочной маски». Это был тот редкий случай, когда привести на представление любовницу стало бы чревато общественным осуждением. В день Тезоименитства принято выводить в свет законных супругов, одетых в фамильные драгоценности, тем самым демонстрируя окружающим респектабельность. А более всего, кроме денег и известности, мэтр Эрмаад жаждал считаться респектабельным господином. Поэтому он и настоял на жемчужном гарнитуре, а потом без конца хвастался перед знакомыми своим вкусом в выборе украшений.

На сцене блистала мис Иорлика Леела, и не слишком влюбленная в оперу Фэйм заслушалась дивным чистым голосом примадонны. Прелесть «Сказочной маски» в том, что на сцену можно даже не смотреть, там каждая ария – шедевр, не имеющий, к счастью, никакого отношения к либретто.

– Ба! – хмыкнул Уэн, толкнув локтем жену. – Еще один любитель искусств.

И указал на лорд-канцлера в парадном темно-синем мундире, сидевшего за правым плечом императора и выгляде-

шего донельзя надменным и, пожалуй, даже сердитым. Он что-то быстро-быстро говорил Раилу, словно выговаривал сюзерену за какую-то оплошность (если, конечно, на миг допустить, что такое возможно), а потом вдруг махнул рукой, грустно улыбнулся и посмотрел прямо на... Фэйм. В этот момент его разглядывали сотни людей, но женщине показалось, что всесильный канцлер видит только ее одну. Тогда Фэймрил подумала, что Росс Джевидж хочет напомнить ей про отца, а возможно, и напугать. Она резко отвернулась и до конца представления сидела неподвижно, не шелохнувшись и, полуприкрыв глаза, слушая только божественный голос мис Леелы.

Уэн, помнится, весь оставшийся вечер язвил лорд-канцлера тонкими издевками. Заочно, разумеется, ибо высказать нечто подобное в лицо лорду Джевиджу у драгоценного супруга не хватило бы духу. Досталось и отцу Фэйм.

– Если бы твой папаша не лез в большую политику и не настраивал на канцлера Эйорма Лиламма, то ничего не произошло бы. Старый интриган просчитался, на чем и погорел.

– У папы, по крайней мере, были принципы, – отрезала Фэйм. – Не мешай мне слушать, пожалуйста.

– Ох уж мне эти ваши принципы, – прошипел Уэн и добавил грубое площадное ругательство.

Он всегда так делал, желая вывести жену из себя, но в этот момент мис Леела взяла верхнюю ноту, и окончание похабной фразы потонуло в грохоте аплодисментов.

На сцене разыгрывалась шутейная драма, божественная музыка изливалась на зачарованный зал, а Фэймрил думала о Росссе Джевидже – человеке, погубившем одного за другим всех ее родичей. Буквально несколькими словами и рощерком пера. Ему нет дела до ее отчаяния, ему не интересны сотни тысяч маленьких людей, чьи жизни перемелются в жерновах великих замыслов, ему плевать на чужие судьбы, он служит Империи. Как будто она существует сама по себе, без живых мужчин и женщин, которые ее населяют.

Именно тогда Фэймрил Эрмаад захотелось убить лорд-канцлера впервые.

А теперь, спустя год, это желание только усилилось. И все не из-за грязных полотенец, как можно догадаться.

После четырех десятков дней, проведенных в дороге, Россс готов был всю ночь греть и носить воду, лишь бы как следует вымыться. И когда наконец его страстное желание сбылось, не смог сдержать восторженного стопа удовольствия. Только лишь ради этого блаженства стоило добраться до Сангарры и отыскать Фэйм Эрмаад.

Джевидж откинул голову на бортик ванны, но глаза закрывать не решился. Еще заснет ненароком, а талисман мэтра Амрита останется лежать на полу. Проснуться голым в остывшей воде – полбеда, хуже, если с ним приключится очередной припадок, после которого все придется начинать заново.

Добрая хозяйка не слишком-то обрадуется, когда незванный гость начнет биться в судорогах и орать как резаный на весь дом. Она и так напугана и рассержена.

Отправившись в Сангарру, Росс часто думал о неведомой женщине по имени Фэймрил. Еще бы! Она стала зацепкой, которую мэтр Амрит умудрился извлечь из покалеченной памяти своего загадочного пациента. Джевидж пытался представить ее внешность, придумывал какие-то удивительные подробности, ждал чуда и загадки, а оказался лицом к лицу с самой обычной женщиной, типичной эльорской леди – чопорной, обидчивой и недоверчивой.

«Что, что может нас связывать, если разум так крепко ухватился за ее имя, в то время когда все остальное – лица родителей, годы детства, отрочества, юности и зрелости – исчезло полностью?» – рассуждал сумасшедший лорд. В том, что его поразила редкая форма безумия, не осталось никакого сомнения. И случись оно естественным путем, пришлось бы уповать лишь на милосердие ВсеТворца. Однако мэтр Амрит уверял в обратном: кто-то злонамеренно лишил Росса Джевиджа всех воспоминаний. И что еще хуже и ужаснее – сделал так, что стоило несчастной жертве заснуть или, скажем, потерять сознание, как все воспоминания прошедшего дня стирались безвозвратно. Точно следы на влажном песке, оставленные в полосе прибоя. Предательская усталость открывала врата в Сон, и тот накатывался, как волна на берег, слизывая всю память о времени бодрствования. И даже

опытный старый волшебник, всю жизнь практиковавший те крохи магии, которая исцеляет, а не калечит, не смог ничем помочь Джевиджу. Мэтр чуть ли не за локти себя кусал от разочарования и бессилия – у него не вышло даже узнать имя пациента, ни с помощью гипноза, ни под действием одурманивающего зелья.

На Фэймрил Эрмаад возлагалось столько надежд, а она оказалась обычной дамочкой – не чародейкой, не знатной, не влиятельной особой. Чем же она сможет ему помочь? Скорее всего, ничем. Она сама еле держится на плаву. Унаследованный старинный особнячок скоро развалится сам по себе без капитального ремонта, все ветхое, полы скрипучие, в оконных рамах щели, которые хозяйка кое-как заткнула старыми тряпками и заклеила бумагой. Зимой здесь, должно быть, так промозгло и сыро, что вдова Эрмаад отчаянно рискует заболеть чахоткой. Особенно если будет так мало кушать.

Бриться пришлось ножом, зато (о радость!) с мылом, а вот рану на шее перевязать было нечем, и воды для небольшой постирушки не осталось совсем. Завтра вдовушка станет ругаться. Росс злорадно сощурился, предвкушая, с каким священным ужасом она начнет вопить о своей погубленной репутации. А выхода никакого нет – либо самой носить воду, либо позволить это сделать Джевиджу. Но он же – Ужасный Посторонний Мужчина, спаси ВсеТворец! Что скажут соседи, когда увидят чужого мужика с ведрами, курсирующего между колодцем и домом мистрис Эрмаад? Но... должна же

быть какая-то расплата за огромную шишку на лбу и чудовищную головную боль. Росс и так выглядел, мягко говоря, недостойно, и дело даже не во множестве уродливых шрамов по всему телу, а в том, что с такой рожей лучше на глаза стражам закона не попадаться – мигом заметут в кутузку.

Завернувшись в широкую банную простыню, Росс прошелся по первому этажу, осматриваясь и выискивая слабые места в обороне дома. Это было первое, что он делал, оказываясь в новом месте. Видимо, срабатывала какая-то старая привычка из предыдущей жизни. Нет! Первым делом Росс надел свой медальон. Куда ж без него? Никуда. И только с заветным талисманом на груди и ножом в руке отправился изучать вероятное поле боя.

И надо заметить, беглый осмотр Росса ничуть не порадовал – особняк мистрис Эрмаад в качестве неприступной крепости не выдерживал никакой критики: замок в дверях от честных людей, оконный переплет высаживается одним ударом локтя, в оранжерею можно лезть в любой час дня и ночи. Фэйм осталось только написать над входом: «Добро пожаловать, дорогие воры, насильники и убийцы!» И, разумеется, никакого оружия в доме не водится, даже дамской «пукалки» с перламутровыми накладками на рукояти. Вроде тех, которые так любят пускать в ход разгневанные шлюхи. Впрочем, о чем это мы? Известное дело – такие, как мистрис Эрмаад, полагаются исключительно на защиту молитвы ВсеТворцу.

«О! Тебе уже хочется ее защищать? – сам себя подначил Росс и тут же сам себе ответил: – Скорее придушить, чтоб не мучилась и не вводила в искушение всяких лиходеев».

Впрочем, Фэйм Эрмаад ему нужна, просто необходима. Джевидж был уверен – она ключ к разгадке его безумия, которое мэтр Амрит именовал хитрым словом «амнезия» и неоптимистично добавлял «полная и абсолютная».

Спать не хотелось совсем. Да и как можно задремать, когда череп просто трещит от боли, ноет растревоженная нога, на которую Росс рухнул после удара сковородкой? Добрая вдовушка била наотмашь, и рука у нее оказалась тяжелая, а глаз метким.

В отместку за столь радикальное приветствие Джевидж решил полежать на обитом кремовым шелком диване в гостиной. Сразу же видно – хозяйка боится испортить старинную обивку и предпочитает сидеть на недорогих креслах, так почему бы не «осквернить» антиквариат своей голой задницей?

Потом азарт ребяческой мести сам собой иссяк и навалилась усталость. Она подкралась на мягких кошачьих лапках, потерлась об гудящие от долгой ходьбы голени, вспрыгнула на грудь и обвилась вокруг затекшей шеи удушливым воротником. Дырявая память Росса Джевиджа не удержала в своем решете случая, когда бы ему довелось ночевать под крышей, с тех пор как погиб мэтр Амрит, а оттого сама возможность пялиться в застекленное окно с настоящими занавес-

ками казалась ему редкой удачей. Впрочем, раз к фамилии Джевидж прилагается титул лорда, как утверждает сковородколюбивая мистрис, значит, где-то есть и родовые земли, и поместье, и, возможно, семья. А почему нет? В сорок лет мужчине обычаем пристало быть отцом семейства. Росс изо всех сил попытался вообразить свою гипотетическую жену или детей, но, кроме встреченной несколько дней назад крестьянки с двумя замызганными малышами, которая сжалась над припадочным бродягой и угостила горбушкой хлеба, никаких иных образов в голову не приходило.

Росс еще немного поиграл с вновь обретенным именем и титулом, потасовал туда-сюда слова, словно карты, пытаясь если не вспомнить подробности, то хотя бы почувствовать нечто такое... хм... этакое, подвластное лишь интуиции и полужвериным рефлексам. Он и так в последнее время полагался в основном на предчувствия и полумистические знаки. Именно так лорд Джевидж оказался в Сангарре. Кроме незнакомого женского имени, которое буквально проросло в истерзанном разуме, он не ведал ничего. Ну не подходит же к каждому встречному с вопросом: «Сударь, не подскажете ли, где мне искать Фэймрил Эрмаад?» Изведшись над проблемой до нескольких припадков подряд, Росс решил, что никакая логика здесь ему не поможет и надо действовать как минимум нетривиально. Сделать непредсказуемый ход, так сказать.

Наверное, со стороны казалось, что он бредет куда глаза

глядят, и, по правде сказать, так оно и было. Каждое утро, вынырнув из беспамятства и бездонных черных глубин сна, кое-как придя в себя, безмянный тогда еще бродяга начинал пристально вглядываться в одни ему понятные Знаки. Ими могли стать подслушанный отрывок чужого разговора, перевернутый ветром указатель, птичий крик или внезапный дождь. Любая заминка в дороге, малейшее недовольство или подозрение, и Росс сворачивал в сторону, менял направление, а то и вовсе возвращался. Таким образом, на поиски Фэймрил Эрмаад ушло ровно сорок дней. Много или мало? Если учесть, что по прямой от Рамани, где жил мэтр Амрит, до Сангарры идти пешком от силы дней семь, то долговато, а если вспомнить, что Империя Эльлор является одним из самых больших и многонаселенных государств мира, то – пресловутые Знаки лорда Джевиджа не подвели.

Не обманули Росса и недавние предчувствия относительно обороноспособности вдовьего обиталища. Лорд Джевидж насторожился едва ли не прежде, чем увидел мелькнувшую за окном тень. Был бы псом – прижал уши и глухо зарычал, а так пришлось тихонечко сползти с дивана. Как назло, штаны остались на полу возле ванны, а откровенная голозадость отнюдь не способствует поднятию боевого духа. Росс внимательно прислушался к шорохам.

Двое... нет, трое! Один проник через оранжерею, другой пытается отмычкой вскрыть замок черного хода, а еще один лезет через окно на кухне. И с этим не сулящим ничего хоро-

шего ночным вторжением нужно было срочно что-то делать. Не слишком долго думая, Росс на цыпочках ринулся прямо в спальню хозяйки. Он крепко запечатал спящей женщине рот ладонью и, полностью игнорируя ее полный ужаса взгляд, чуть слышно прошептал на самое ухо:

– Мистрис, в ваш дом забрались воры... или похитители... или убийцы. Поэтому залезайте в шкаф и сидите там тихо-тихо, как мышь. Вы же благоразумная женщина и не станете кричать?

Она мелко затрепетала ресницами.

– Замечательно. Я вас отпускаю.

В крайнем случае, если у Фэйм плохо со здравым смыслом, Джевидж готов был вырубить вдовушку ударом в челюсть. Но делать этого не пришлось. Мистрис Эрмаад без возражений шмыгнула в шкаф, а Росс, соорудив из вороха одежды очертание ее тела под одеялом, спрятался за ширмой.

Поглядим, что станут делать незваные гости – красть, похищать или все-таки убивать?

Дверь бесшумно отворилась, и одетый в темную куртку и штаны незнакомец с шейным платком, закрывающим нижнюю часть лица, стараясь не скрипеть половицами, подкрался к кровати и без колебаний выстрелил туда, где по идее должна была находиться голова хозяйки дома. Убедившись в серьезности намерений несостоявшегося убийцы, Джевидж тут же прыгнул ему на спину и вонзил нож под лопатку. А

наградой за сообразительность и ловкость стал заряженный револьвер.

«Вот теперь мы и без штанов справимся, – азартно подумал Росс, автоматически заглядывая в барабан. – Пять пуль и двое врагов – это хороший расклад».

Мертвый незнакомец был положен на место его потенциальной жертвы, аккуратно укрыт одеялом и теперь исполнял роль приманки для своих сотоварищей.

Осторожные шаги по лестнице, шорох приоткрываемой двери и негромкий шепот:

– Микки, ты все сделал? Сколько можно копать?

Естественно, ответить Микки ну никак не мог по вполне объективным причинам.

– Микки?! Ты где?

Обеспокоенный товарищ убиенного решил поглядеть, в чем дело, подошел к кровати и оказался в прямой досягаемости Джевиджева ножа. Но убить его сразу у голозадого лорда не получилось. Они сцепились, рухнули на пол и начали по нему кататься в тщетной попытке расправиться с соперником.

– Бигон! Сюда! – успел заорать противник Джевиджа – крепкий юноша чуть ли не вдвое его моложе, а главное – сильнее.

Росс чувствовал, как трещат кости предплечий в тщетной попытке удержать оружие врага на безопасном расстоянии. Еще немного, и пышущая здоровьем молодость закономерно

одолела бы отягощенную головной болью зрелость.

Но тут на поле битвы ступила нога Фэйм Эрмаад. В широченной ночной сорочке с белым от ужаса лицом, мистрис походила на привидение из бульварных романов, где юные малокровные леди томятся в древних замках под деспотичной властью порочных красавцев-вампиров.

– Назад... – прохрипел Джевидж, из последних сил отталкивая от своего виска дуло револьвера. – Там... еще один...

Но, видимо, у Фэйм имелась своя стратегия – один раз удачно вмазав мужчине по черепу тяжелым предметом, она вошла во вкус. Метнувшись к туалетному столику, женщина схватила большую стеклянную вазу и обрушила ее на голову соперника Росса. Парень обмяк и перестал дышать.

– С-с-спасибо, леди...

– Мистрис, – чопорно поправила его Фэйм, целомудренно отведя взгляд в сторону от нагого тела спасителя. – И... пожалуйста... вернее, не за что... вернее... я не хотела... я...

В следующий момент Росс подсечкой сбил ее с ног и выстрелил в третьего ночного визитера, уже помянутого Бигона, всадив пулю точнехонько между глаз.

Сражение было выиграно, но война только началась.

Когда раздался первый выстрел, Фэймрил едва язык себе не прикусила от неожиданности. Сначала тебя посреди ночи будит голый мужик, потом он же запихивает тебя в шкаф, чтобы спасти не от мелкого воришки, а от настоящего убий-

цы, – не слишком ли много событий подряд? На взгляд мистрис Эрмаад, обилие неприятностей, обрушившихся на нее за последние неполные сутки, выходило за рамки всех допустимых приличий.

Фэйм прикинула глазом к щелке в двери шкафа и онемела от ужаса – на ее кровати лежал окровавленный труп, потом разбойник набросился на лорда Джевиджа и... Объяснить свое дальнейшее поведение вдова не смогла бы при всем нескрываемом желании, а уж тем паче выявить причину столь внезапного приступа героизма. Словно это была не Фэймрил Эрмаад – женщина, всегда отличавшаяся здравомыслием и крайней осторожностью в поступках, а какая-то дикая варварская воительница, пребывающая во власти боевого безумия. Фэйм Убила Мужчину Вазой? О Всетворец-Крушитель, помоги!

– Что будем делать? – спросила отважная вазометательница, окидывая безумным взглядом забрызганную кровью спальню.

Мир качался перед глазами, норовя опрокинуться.

– Эй! Мистрис! Не время сейчас для обмороков!

Росс Джевидж сильно сжал женщину за плечи и изо всех сил встряхнул. Да так резко, что Фэйм звонко цокнула зубами.

– Но... что же делать?

– Бежать, – равнодушно отрезал мужчина.

Его пытливый взор остановился на покойниках и на миг

вспыхнул хищным удовлетворением.

– А вот и новые сапоги, – усмехнулся лорд Джевидж, указав на мертвеца, лежащего на кровати. – Похоже, эти будут мне впору.

Мародерствовал лорд-канцлер со знанием дела, словно всю жизнь только и делал, что обирал мертвых.

– Не стойте, точно верстовой столб, м...мистрис, – напомнил он. – Одевайтесь скорее и берите все ценное.

– А?! – непонимающе мотнула головой женщина и сделала шаг назад. – Я никуда не пойду! Мне некуда идти!

– А я считаю, что здесь оставаться нельзя, – спокойно, с расстановкой сказал Росс.

Он понимал, что женщина пребывает в шоке от произошедшего, и не хотел пугать ее еще больше.

– Эти люди пришли, чтобы вас убить. И если не получится сегодня, то следующая попытка может стать более удачной для ваших врагов и фатальной для вас.

«Для моих врагов, – потрясению Фэйм не было предела. – Для моих врагов. Для моих врагов?!»

– Врагов? – выдавила она.

Голос упал до хриплого шепота.

– Ну а как иначе называют людей, влезших в ваш дом с целью выстрелить вам в голову? И раз вы не торопитесь покинуть мир живых, то следует избежать и следующей подобной встречи. И для начала надо одеться в самую простую и добротную одежду, подобрать крепкие башмаки, прихватить

теплое пальто, а главное – не забыть про драгоценности и деньги. У вас ведь есть украшения? – весьма здраво рассуждал лорд-канцлер.

Фэймрил подавленно кивнула, все еще ошеломленная падением убийц.

– Короче, одевайтесь, – приказал Росс Джевидж более решительным тоном. – И позвольте мне сделать то же самое.

Но вдова Эрмаад не сдвинулась с места. Фэйм трясло крупной дрожью. Ее нервы были на пределе.

– Ну? В чем дело? Мы же вроде договорились, – раздраженно пробурчал Росс. – У нас мало времени...

– Я никуда отсюда не пойду, – тихо сказала она. – Это исключено.

– Позвольте напомнить вам, мистрис, – холодно молвил Джевидж, сложив руки на груди и взирая на упрямую женщину сверху вниз, как на умственно отсталую. – Только что вы собственноручно убили человека. Вы хотите в тюрьму?

– А вы убили двух человек, – из последних душевных сил парировала женщина.

– И поэтому я бегу из Сангарры. И вам предлагаю последовать моему примеру.

– Я не хотела! Я оборонялась! Я позову стражу, я... вы... – Фэйм задохнулась и стала хватать ртом воздух, как пойманная рыба.

Как ни крути, а она все же убила человека, совсем еще молодого, практически юношу, не то чтобы годящегося в сы-

новья, но определенно – в старшие племянники. Сердце ее окончательно заледенело от ужаса.

– Что? – прорычал Росс. – Договаривайте.

– В конце концов, я вас спасала. Он мог выстрелить... Так помогите же мне! – она сама не заметила, как голос взвился до истеричного визга.

– Как?! Я могу лишь забрать вас с собой. Никакой иной защиты я не в силах предложить...

Дальше скрывать правду от него не имело ни малейшего смысла.

– Лорд Джевидж, вы же не простой человек. Вы – канцлер, советник Императора, под вашим надзором вся Тайная Служба! Вас не тронут! – вскричала Фэйм, в отчаянии стукнув кулаками его по голой груди.

Росс замер на месте, на несколько долгих минут обернувшись в памятник самому себе – могущественному политику, ставшему по чьей-то злобной прихоти полубезумным бродягой.

– К-кто, п-простите?

– Вы – самый влиятельный человек в государстве после Императора, – мрачно заверила его женщина. – В 29 лет вы стали самым молодым маршалом, в 32 – вошли в Совет, а в 34...

Истинная правда! Взлет карьеры лорда Джевиджа стал одним из самых стремительных и ярких на памяти нескольких поколений эльорцев. Пожалуй, подобное возвышение

от сына маркграфа до канцлера Империи случалось только во времена седой старины, еще при королях Марэдиддах.

— Значит, вот оно в чем дело, — сказал Росс медленно.

На его лице жили только глаза, левый непроизвольно дергался, выдавая напряженную работу мысли.

— Меня скинули с самой вершины. Хм... Забавно...

Но ничего забавного Фэйм перед собой не видела, наоборот, на Джевиджа было смотреть страшно: на скулах вспухли желваки, ноздри раздувались, а глубокие морщины прорезали впалые щеки. Пожалуй, теперь мистрис Эрмаад понимала, что чувствовали подчиненные канцлера в час его гнева. А чувствовали они себя, должно быть, ужасно, будто преступник, уже взошедший на эшафот. Его взгляд, словно блестящий на солнце Меч Правосудия в руках палача, такой же холодный, такой же безжалостный.

Однако же, к полной растерянности Фэйм, лорд Джевидж не разразился потоком ругани, как это сделал бы Уэн в минуту полнейшего душевного смятения.

— Тогда тем более вам следует меня слушаться, мистрис, — хладнокровно заявил Росс. — Я ничем не смогу помочь и не смогу вас защитить, даже если раскрою свое инкогнито представителю законной власти. Скорее даже наоборот, вы окажетесь в еще большей опасности, чем несколько минут назад.

— Почему?

— Потому что вам придется объяснить дознавателю проис-

хождение еще двух мертвецов, и уверяю вас, едва в разговоре всплывет мое имя, как оно тут же станет для вас смертельным приговором, – неспешно, словно учитель юной гимназистке, объяснял лорд-канцлер положение дел. – Подумайте хорошенько, Фэймрил... я могу вас так называть?.. так вот подумайте еще раз над тем, что происходит. Никаких новостей об изменении состава Совета Лордов за последнее время не было, я сам недавно читал в газете о том, как лорд Джевидж присутствовал на открытии очередной сессии парламента, и, судя по дате, теперь понятно, что это был вовсе не я.

Фэйм сдавленно охнула, чувствуя, как желудок сводит болезненными спазмами.

– Лжеканцлер? О Небо! Это... это же заговор! – и сама себе залепила ладонями рот. – Мы – пропали.

– Нет! – жестко отрезал Росс. – Пока еще нет. Мы все еще живы и на свободе... Собирайтесь, мистрис, у нас и в самом деле отчаянное положение. Надо выбираться из Сангарры.

Женщина смущенно кивнула, внезапно обнаружив себя в ночной сорочке, а собеседника обнаженным по пояс. Скорее неловкость, чем подлинный стыд, потому что во взгляде Росса Джевиджа не нашлось бы и крошечного отблеска животной похоти. Не факт, что ему следовало доверять жизнь, но честь – запросто.

Фэйм шмыгнула за ширму и стала одеваться. Нельзя сказать, чтобы Фэймрил была совсем уж неопытной путеше-

ственницей. Она сразу же отказалась от жесткого корсета, в котором далеко не уйдешь, в пользу короткой камизы, матерчатого корсажа, нижней юбки без кружев и новых шерстяных чулок. Крепкая синяя юбка и скромная черная блуза тоже не привлекут к беглянке лишнего внимания.

Тем временем лорд Джевидж полностью обновил свой гардероб за счет поверженного вазой парня, чья одежда не была испачкана кровью, и выглядел теперь, пожалуй, даже франтовато.

Фэйм подумала, что красный шейный платок, которым Росс перевязал шею, должен быть еще теплым, и содрогнулась.

– А скажите, мистрис Эрмаад, – меланхолически молвил Росс, – у вас есть лопата?

Неудавшаяся жертва покушения нервно моргнула и отрицательно затрясла головой.

– А зачем вам?

– Надо бы закопать мертвых, чтобы их не нашли сразу. Тогда у нас будет небольшая фора во времени перед теми, кто подослал к вам убийц, – терпеливо пояснил лорд-канцлер.

Фэйм призадумалась в поисках выхода из положения.

– В саду есть яма. Правда, она не слишком широкая, но зато глубокая.

Этим летом очередной ливень добил старую иву, посаженную еще дедушкой, выворотив дерево с корнями. При-

шлоось нанимать рабочих, чтобы распилили метровой толщины ствол и расчистили участок от веток. Но яма на месте корней осталась.

– У нас есть время до рассвета, чтобы спрятать тела и собраться в дорогу, так что поторопимся, – заявил Джевидж. – Не будем тратить драгоценные минуты на пустые разговоры, мистрис.

По настоянию лорд-канцлера вдова Эрмаад оставила в дверях записку: «Дорогая Сефа! Я уехала по важному делу в столицу. Вернусь через неделю». Такая вот маленькая хитрость, чтобы хоть как-то запутать возможных преследователей.

Они вышли в дорогу еще затемно, гораздо раньше восхода солнца, и, чтобы не попасться на глаза соседям и знакомым, Фэйм повела Росса Джевиджа той самой дорогой, которую выведала еще в детстве, когда доводилось сбегать из-под надзора бабушки Иисниссы. Вдоль глухих заборов, задними дворами, заброшенными садами и свалками они без всяких проблем добрались до окраины Сангарры.

– Глядите-ка, тут даже остатки древней крепостной стены, – удивился Росс, заметив увитые диким виноградом камни.

– О, это мое любимое место. Мы тут играли с Сефой и Лалиет, – скупно улыбнулась своим воспоминаниям Фэйм.

– У вас было счастливое детство? – спросил Джевидж, не скрывая своей зависти к простой возможности помнить и о

хорошем, и о плохом.

Свои детские годы Фэймрил считала не просто самыми счастливыми, а поистине золотыми. Это дома мать беспрестанно рядила маленькую дочь в пышные платьица с рюшами, в которых можно только по-кукольному сидеть, сложив руки на колени. Приезжая же к бабушке, Фэйм тут же забывала про платья, кружевные панталоны и банты. До девичьей поры она бегала по улицам Сангарры в рваных мальчишечьих штанах на лямке и рубаше, отличаясь от остальных сорванцов только длиной волос. Причем лихая тройца закадычных подружек считалась самыми завзятыми хулиганками, они вечно влипали в какие-то истории, дрались с мальчишками и вообще полной грудью вдыхали пьянящий воздух ребячьей вольницы. От Фэйм требовалось только вовремя завтракать, обедать и ужинать, за этим бабушка следила строго. Ее старшая дочь умерла в детстве от чахотки, и леди Ииснисса считала обильное и регулярное питание ребенка залогом хорошего здоровья.

...В траве стрекочут кузнечики, пахнет полынью и календулой, горячее марево дрожит над землей, а в небе стремительно носятся ласточки. И так же бесконечен этой солнечный жаркий день, как нет конца и края небесному своду, где в вечной благодати пребывает ВсеТворец. А позади ослепительное радостное утро, а впереди целая вечность до обеденного часа, и там далеко-далеко, где-то за горами за долами, как в нянюшкиной сказке, прячется синий-пресиний дра-

кон-вечер, чтобы проглотить золотое яблоко-солнце и распугать звездную мелочь в глубокой тихой заводи полуночи... Где ты, кареглазая девочка Фэйм? Куда убежали те восхитительные дни, прихватив с собой радость и покой, точно шка тулку с леденцами? Молчишь?..

– Вы устали? Хотите отдохнуть немного?

Голос Росса доносился откуда-то издалека.

– Вы спите прямо на ходу, а никому здесь не нужен такой героизм, – с укором молвил он, остановившись и придерживая Фэйм за локоть. – Могли бы просто сказать...

– Я не сплю, – отмахнулась она. – Просто задумалась, вспомнила детство...

И осеклась под почти невидящим взглядом лорда Джевиджа, точь-в-точь таким же, как тогда, перед казнью заговорщиков – два года назад. На площади Десяти Королей. Теперь уже не вспомнить, зачем она туда пошла, скорее всего, опять-таки настоял Уэн, но Фэйм, как ни старалась, так и не смогла забыть ни монотонного рокота барабанов, ни дергающихся в петлях тел, ни профиля Росса Джевиджа, который неотрывно глядел на эшафот. Тогда Фэйм показалось, что лорд-канцлер наслаждается смертью своих врагов. Но сейчас... сейчас она осознала – он в этот миг ненавидел весь мир. То, что вознесло Джевиджа на вершину власти, безвозвратно отняло у него часть души и жизни, и теперь утраченная память усугубила потерю, сделав по-настоящему, в полном смысле слова убогим.

– Давайте пока обойдемся без спонтанных ретроспектив, – буркнул он сердито. – Нам нужно добраться до почтовой станции в Бу-Керки еще до заката, там есть постоянный двор.

– Зачем?

– Затем, чтобы я поспал, – рыкнул Росс. – Единственный отдых, которым вы меня пожаловали, мистрис Эрмаад, был от удара сковородкой.

Что верно, то верно. Лоб у лорд-канцлера цветом и блеском напоминал спелый чернослив. Но на лице Фэймрил не отразилось и тени раскаяния.

– А потом? Куда мы пойдем из Бу-Керки? Куда мы теперь вообще отправимся? Меня ведь будут искать.

Росс нетерпеливо дернул плечом.

– Сначала мы побеседуем, мистрис, – многозначительно заметил Джевидж. – Ведь нам есть что рассказать друг другу, не так ли?

Ухмылка у канцлера (Фэйм пока не решила, называть его бывшим или нет) вышла прямо-таки змеиная – он растянул губы и недобро сощурился, нагоняя на спутницу неприятное ощущение всепроникающего страха.

– Вы не слишком рискуете, собравшись лечь спать в моем присутствии? – с угрозой в голосе полюбопытствовала Фэйм, давая понять, что вовсе не намерена терпеть его произвол.

– Нет, не слишком. Мы теперь одной веревочкой повяза-

ны, Фэймрил Эрмаад, и хочется вам того или нет, но придется рассказать все, что вы знаете о моей личности, в мельчайших подробностях.

– Прямо сейчас?

– Нет. Потом. В Бу-Керке, как я уже вам объяснил. Идемте.

Право слово, они стояли друг друга по части неуступчивости, но на стороне Росса Джевиджа имелся существенный перевес в силе и росте, а это, как доказывал жизненный опыт, кое-что да значило.

Выйдя на проселочную дорогу, сангаррские беглецы встретили крестьянскую телегу, и Фэйм, узнав, что им по пути, попросила подвезти до почтовой станции. Фермер окинул парочку подозрительным взглядом и, заметив синяки на лице Росса, принял их за рассорившихся в очередной раз супругов. Попросту говоря, выиграла в пышноусом старичке мужская солидарность по отношению к избитому драчуньей-женой парню и склонила чашу милосердия в пользу Джевиджа.

– Садитесь, места всем хватит, – хмыкнул возница. – Чего ноги-то зазря бить?

Глава 3

Обратная сторона

Нормально поест у Фэйм так и не получилось, как не смогла она заставить себя выкинуть из головы трех мертвецов, наспех прикопанных в сангаррском саду. Один зарезанный, другой с разбитой головой, а третий... Кровавое месиво, оставшееся от его лица, стояло у Фэймрил перед глазами, стоило лишь на миг сомкнуть веки. И мысль о том, что эти трое пришли с целью смертоубийства, отнюдь не утешала. Нисколько. На душе лежал тяжкий камень, не дававший как следует вздохнуть лишний раз. Конечно, для ВсеТворца не составит труда понять – она не хотела убивать этого человека, и в мыслях не было ничего подобного, просто так получилось. Случайно, непреднамеренно... Но как же противно чувствовать на своих руках чужую кровь, а на совести – чужую жизнь.

– По-моему, здесь хорошо готовят, – заметил между прочим Росс, видя, с каким огромным трудом проталкивает в горло каждый кусок рыбного пирога его сотрапезница. – Вы же сами делали заказ.

Он сменил гнев на милость и теперь пытался подлизаться к Фэйм. Совсем чуть-чуть, как бы ненароком, но все-таки сглаживая неловкость ссоры. Ее переживания по поводу

убийства он принял за обиду и старался исправить положение. Получалось так себе. А может быть, лорд-канцлер просто не умел подлизываться и признавать себя виноватым?

До Бу-Керке беглецы доехали гораздо раньше, чем рассчитывал Росс. Еще даже не вечерело. Крестьянская кобылка оказалась на диво резва, телега крепка колесами, а возница не особенно говорлив. Правда, Фэйм очень сильно сомневалась – смог бы ее сейчас кто-то разговорить, кроме, пожалуй, подчиненных лорда Джевиджа из Тайной Службы, вооруженных набором пыточного инструмента. И пускай считается, что пытки запрещены, как-никак, Век Прогресса на дворе, но традиции-то остались.

Как водится, возле почтовой конторы толкалась толпа народу и далеко за порог вилась очередь из спешащих передать свою корреспонденцию на последний дилижанс. Обеденный зал в трактире до отказа набился едоками, но желающих заночевать под крышей «Златовласки» было не так уж и много. Во всяком случае, чистая комната для небогатой пары путешественников нашлась и стоила она недорого, а ужин так и вообще обошелся в сущие гроши. Но Фэйм все равно предусмотрительно спрятала остатки пирога в холщовый мешочек, чтобы сэкономить на завтраке. Никогда не знаешь, что случится завтра, а деньги лишними не бывают. Именно этой простой и незамысловатой истине научила Фэймрил Эрмаад лучшая из всех возможных наставниц – Суровая Мистрис Жизнь.

Джевидж одобрительно хмыкнул, но промолчал. Он устал и, если приглядеться, едва держался на ногах, хромота заметно усилилась, глаза покраснели. Но, очутившись в комнате, Росс не торопился рухнуть на кровать.

Он уселся на колченогий стул, ссутулился и, как показалось Фэйм, воздерживался от дремоты лишь последними усилиями воли.

– Мистрис... Фэймрил... вы так и не сказали, могу ли я вас так назвать?

– Вполне.

– Так вот, мистрис Фэймрил, я помню себя только с начала лотиса-месяца, вернее, с того дождливого утра, когда мэтр Амрит приложил к моему лбу свой медальон. – Росс специально достал его и повертел перед носом у собеседницы. – Нашел он меня в палате для буйнопомешанных Киледдонской Народной лечебницы.

Что такое Народная лечебница, Фэйм знала не понаслышке. Довелось однажды побывать в похожем заведении по благотворительным делам, и еще несколько недель спустя мистрис Эрмаад засыпала только с помощью сонной настойки. По ее мнению, хуже этого места была только преисподняя, и то не везде, а лишь в самых горячих уголочках. Даже Росс Джевидж не заслуживал такой участи.

– Я знаю... вернее, Амрит сказал... там очень плохо, – несколько смущенно пробормотал Джевидж, заметив, что собеседницу пробрала нервная дрожь. – Не страшно. Все

равно я ничего не помню. К тому же мне повезло – мэтру показалось странным, что человек каждое утро просыпается и совершенно ничего не помнит, даже о том, что случилось накануне. Маг понаблюдал за мной несколько дней, сильно заинтересовался и, благодаренье ВсеТворцу, воспринял мое безумие как вызов своему мастерству.

– О да, – согласилась мистрис Эрмаад. – Волшебники – люди весьма амбициозные.

«И слишком любопытные».

– Я не могу на него пожаловаться. Он создал талисман, вылечил сложный перелом голени и воспаление легких... он сделал все возможное, чтобы вернуть мне человеческий облик. Но память...

– Память к вам так и не вернулась, – закончила за него Фэйм.

Она сидела на кровати, крепко обхватив руками колени и положив на них голову.

– Да, – согласился Росс. – Каждый вечер перед отходом ко сну и каждое утро при пробуждении я должен пользоваться талисманом, иначе большая часть воспоминаний исчезнет. И что самое неприятное – просыпаясь, я тоже почти ничего не помню.

– Как это?

Лорд-канцлер нахмурился и недовольно повел плечами:

– Мысли путаются, голова плохо соображает. Это чтобы вы завтра утром не пугались.

– Я постараюсь, – криво усмехнулась женщина.

– Иногда при этом... случается небольшой припадок, – продолжал Росс. – Вроде судорог, но... я не опасен и не причиню вам зла. Только выглядит... э-э-э... некрасиво.

У Фэйм тут же испортилось настроение. Вот! В этом весь Росс Джевидж. Сначала сделать все, чтобы отрезать жертве любые пути к отступлению, загнать в угол, распорядиться твоей жизнью по своему усмотрению, а потом еще и переложить на тебя ответственность за случившееся. Дать в руки заряженный револьвер, образно говоря, и повернуться спиной. Мол, стреляй, если сможешь и если хватит совести расправиться с безоружным.

– И что вы хотите от меня, милорд? – зло буркнула женщина. – Чтобы я стерегла ваш сон?

Она искренне недоумевала. Неужели он считает, что все вокруг так глупы и не в состоянии заметить столь откровенной манипуляции?

Но, по всей видимости, у Джевиджа на уме были еще и другие соображения, кроме традиционного кукловодства, естественно.

– Вам не кажется странным, что, не помня собственного имени, я знал ваше? – пытливо спросил Росс.

– Кажется, – пришлось согласиться его собеседнице.

– Это неспроста. Мы как-то связаны. И если вы мне не поможете, то никто мне уже не сможет помочь.

«Отлично придумано! Я еще и помогать должна?!» – едва

не выкрикнула Фэйм ему в лицо, но вовремя подавила приступ гнева.

– А как же талисман? – спросила она сдержанно.

Росс тяжело вздохнул, будто не решался открыть правду.

– Он исчерпает себя в первый день зимы. Второго нарви я снова проснусь чистым листом, – после некоторого молчания признался лорд-канцлер. – Вот, смотрите. Чтобы не забыть.

И он закатил рукав рубашки, обнажая внутреннюю сторону предплечья левой руки. На загорелой коже виднелись красные полосы шрамов, образующие надпись «ат-ми-нарви» – второй день первой недели нарви месяца. Когда человек ножом вырезает важную дату на своем теле – это серьезное заявление. Фэйм стало как-то совсем неловко за резкость своих суждений.

– А разве мэтр Амрит не сможет ничем больше помочь? – спросила она участливо.

– Нет. Он умер. Его убили.

Все знают, починить волшебную вещь может только изготовивший ее чародей, и если его не стало, то любая самая сложная колдовская игрушка, исчерпав запас вложенной силы, превращается в красивый и бесполезный с точки зрения магии хлам. Хотя, конечно, драгоценные камни и золото не возбраняется продать ювелиру – наделать колечек и сережек.

Фэйм окончательно растерялась, чувствуя себе беспомощнее ребенка. К чему эта отчаянная честность? Очеред-

ная ловушка на порядочных людей, на тех, для кого слово «честь» не пустой звук?

– Зачем вы мне все это рассказываете? – открыто спросила она, глядя лорду Джевиджу в глаза до тех пор, пока он сам не отвел взгляд. – Если уж вы жаждете откровенности, то давайте будем честными до конца.

– По нескольким причинам. Я хочу, чтобы вы мне помогли...

– Да каким же образом? – всплеснула руками Фэймрил.

– Не знаю. Наверное, никто не знает. Но... я должен попробовать... – Он судорожно дернул кадыком, сглатывая вязкую слюну. – Попробовать вернуть свою жизнь.

– Сломав при этом мою?

Жалости к бывшему канцлеру Фэйм не испытывала ни капли.

– Если вы мне поможете, если у нас получится, я сумею отблагодарить...

– А если не получится? Тогда что?

Джевидж нехорошо прищурился, явно не собираясь оправдываться и пускаться в долгие уговоры.

– У вас нет выбора, мистрис Эрмаад. Либо стать жертвой нового покушения, либо отправиться на каторгу за убийство, либо идти со мной. До самой развязки, – отрезал он жестко.

Ответ в стиле лорд-канцлера, невесело усмехнулась женщина, безмолвно наблюдая, как Росс Джевидж с огромным трудом снимает сапоги и прямо в одежде ложится на свою

кровать.

– Хороших снов, мистрис Эрмаад, – буркнул он и через минуту уже крепко спал.

Совсем как человек с чистой совестью.

– И тебе, негодяй, – мрачно ответствовала Фэймрил.

Вот почему ВсеТворец допускает такую несправедливость? Почему лорду Джевиджу можно, в очередной раз появившись на пути Фэйм Эрмаад, снова испортить ей всю жизнь, загубив на корню последнюю возможность стать обычной подданной Раила Второго, как и миллионы других честных эльлорцев? Чем Фэймрил Бран Эрмаад, урожденная Сааджи, хуже остальных?

Так или примерно так рассуждала она, сидя на подоконнике, куда перебралась, чтобы не видеть перед собой беззаботно дрыхнувшего Росса, в то время как к беглой вдове сон и не думал приходить. Если бы лорд-канцлер не всхрапывал, то его можно было бы спутать с несвежим мертвецом, до того паршиво он выглядел.

В мире происходит множество несправедливых вещей, люди страдают от болезней, они разоряются, их бросают возлюбленные, обманывают близкие, огорчают дети, предают соратники, и все это без очевидной и непосредственной вины. Хотя, разумеется, все имеет свое объяснение. Болезни берутся от вредных привычек, разорение – от излишней склонности к риску, любовь приходит и уходит, ложь порожд-

дает ложь, а пренебрежение ребенком в детстве обращивается его же равнодушием во взрослости. И, как утверждают мудрецы и философы, – человек прежде всего враг самому себе и в поисках виноватого в своих бедах следует первым делом поглядеть в зеркало. Истинная правда, но видит Небо и читает в душе ВсеТворец, Фэйм так и не поняла, где и в чем провинилась она перед Россом Джевиджем настолько, чтобы каждое его появление заканчивалось для нее непоправимой катастрофой.

Все началось давно и уже успело забыться всеми. Кроме, пожалуй, самой Фэйм. Еще бы! Это же была ее жизнь!

...Выпускник Имперской Военной академии – молодой лейтенант Халек Бран Сааджи дерется на дуэли с неким гражданским господином, хотя дуэли категорически запрещены высочайшим повелением, а их зачинщики строго караются. Спрашивается, что общего у единственного наследника обедневшего, но очень благородного семейства и обычного горожанина мещанского сословия? Конечно же девушка. Блистательный молодой офицер отбил невесту у скромного банковского клерка, что в общем-то не удивительно. Каштановые кудри Халека Сааджи сводили с ума барышень чуть ли не с отроческого возраста. Но мистрил Дарнеен счел себя оскорбленным. Особенно когда благородный кавалергард посвятил в подробности своей интрижки все столичное общество. Соперники дрались ночью в одном из парков, тайно, без свидетелей и секундантов, Халек ранил молодого чело-

века и с чувством выполненного долга удалился, оставив того умирать от потери крови. История не получила бы широкой огласки, не наткнулся на смертельно раненного мистрила Дарнеена военный патруль. Офицера, которому несчастный юноша успел назвать имя своего убийцы, звали Росс Джевидж. И он не стал молчать на суде, покрывая виновника из кастовой солидарности. Халека забрили в солдаты, ибо фактически он зарезал мирного подданного имперской короны. Ведь разве можно сравнивать умение владеть мечом профессионального воина и неопытного обывателя, взявшего у учителя фехтования пару уроков. Смыть же свое бесчестие Халек Сааджи решил самым простым способом – он застрелился.

Спрашивается, каким боком эта трагедия зацепила Фэйм, кроме того, что она потеряла старшего брата, с которым, по сути, и не дружила особо? А вот и да! Зацепила, и еще как. Мать не пережила смерти любимого первенца, отец тут же отдал Фэйм в пансион и, пока она совершенствовалась в хороших манерах, домоводстве, учила три мертвых языка и переписывала стихи великих поэтов в свой девичий дневничок, сумел окончательно разориться. И все бы ничего, но поправить свое денежное положение он решил, выдав подростковую дочь замуж за волшебника. Так что, по большому счету, сказать спасибо за незабываемое супружество с Уэном следовало персонально лорду Джевиджу. К тому времени уже герою первой войны с Дамодаром, кавалеру ордена «За

службу и храбрость».

За девять лет, прошедших от лейтенантских нашивок до золотых эполет верховного главнокомандующего, у лорда Джевиджа приключились целых две войны, безупречная победа у порта Белангид, присоединенные к Империи обширные и плодородные территории на востоке, три подавленных без всякой жалости мятежа, два десятка неудачных покушений и одна тяжелая контузия. И пока Росс Джевидж был так плотно занят военной карьерой, у Фэйм Эрмаад все складывалось пусть не так удачно, зато менее опасно для жизни.

Но затем маршала Джевиджа ушли в отставку по состоянию здоровья и стараниями недругов из числа ближайших советников покойного Императора Раила Первого. Но отставной полководец даже не успел затосковать от бездействия. Вскоре Раил Первый скончался по причине злокачественной опухоли мозга, а на престол взошел его младший сын, тоже Раил, сумев устранить с дороги старшего брата. Естественно, в духе времени – почти бескровно. Аукнулась беспутному красавчику Майдриду несправедная юность, проведенная в объятиях продажных красоток. Газеты умолчали о срамной болезни принца, приведшей к бесплодию, о которой ходило столько слухов, но раструбили о тайном браке с дамой полусвета, и тому пришлось отречься в пользу брата. И не стоит лишний раз обольщаться насчет непричастности к этой истории бывшего маршала. Это не кто иной, как Росс Джевидж заручился единодушной поддержкой им-

ператорской гвардии и армейских полков. Ибо был момент, когда чаша весов колебалась. И уж Раил Второй сумел по достоинству оценить преданность старого друга по Имперской Военной академии – лорда Джевиджа, сделав его советником и канцлером. Явилось ли это назначение великой милостью или же попыткой нейтрализовать властные амбиции сильного и деятельного человека, предстоит еще выяснить будущим историографам, ибо должность канцлера, как известно, отнюдь не синекура. Ведь зачастую политика несет больше опасности ее активному участнику, чем любая самая кровопролитная война.

И снова Россу Джевиджу представилась возможность положить руку к судьбе Фэйм, причем самым зловещим образом. Тот, кто надоумил Дерина Сааджи возглавить ультраконсервативную фракцию старой аристократии в Совете Лордов, воистину желал отцу Фэймрил зла. Более неподходящую кандидатуру сложно себе вообразить. С равным успехом волчья стая выбрала бы вожаком белку. Нервный, вздорный, агрессивный и склонный к сумасбродным идеям, он стал жертвой своих же непомерных амбиций. В течение полутора лет так называемая Партия Верных очень сильно разнообразила политическую и светскую жизнь эльлорцев. Наверное, ни о каком другом деятеле не было сочинено столько анекдотов, сколько их появилось про лорда Сааджи. Его регулярные предложения возобновить старинные дворянские привилегии вызывали у прогрессивной общественности ди-

кий хохот, в особенности возрождение Права Первой Ночи. В светских салонах вошло в моду начинать вечер с пересказа очередной благоглупости лорда Сааджи, газеты наполнились карикатурами, а среди трезвомыслящих и умеренных консерваторов медленно, но уверенно нарастало раздражение, ибо бесноватый Дерин своими несусветными бреднями дискредитировал все дворянское сословие и сам институт пожизненного членства в Совете. С Правом Первой Ночи ничего, ясное дело, не вышло, зато упрямый, как стадо ослов, лорд невероятными усилиями протолкнул закон о Суде Божьем, не поленившись поднять судебные архивы за последние пятьсот лет вплоть до средневековых летописей и доказав Совету Лордов, что право отстаивать с оружием в руках свою правоту в поединке никто не отменял. Затем папаша Фэйм умудрился одновременно насолить Ковену Магов и испортить отношения с ВсеОтцом. Даже Уэн в свое время недоумевал, как тесть сумел добиться существенных ограничений в самоуправлении магических академий. Верховному же иерарху досталось от лорда Сааджи из-за запрета ссылать в монастыри опостылевших жен, а если учесть, что данный эдикт существовал уже двести лет, то ВсеОтец оказался в крайне затруднительном положении. Лорд-канцлер взирал сквозь пальцы на шалости Партии Верных до тех пор, пока оголтелые старые маразматики не начали покушаться на государственный бюджет и внешнюю политику. И тогда Росс Джевидж самым банальным образом спровоцировал лорда

Саджи и всю его фракцию. Он это умел как никто. Сначала стравил между собой наиболее радикально настроенных оппонентов, потом сделал пару прозрачных намеков, заставив каждого из противников поверить в реальность близкого поражения, и тем самым толкнул на решительные действия. Лорд Сааджи не мог похвастаться особой прозорливостью, попавшись в расставленную канцлером ловушку, где наживкой был сам Джевидж, а вместе с ним купились и остальные Верные. И добро б сами подставляли шеи, а то ведь решили устранить главного врага руками собственных детей. Разумеется, покушение на лорд-канцлера провалилось, и, само собой, заговорщики отправились кто на эшафот, а кто и по этапу на каторжные работы. Отцу Фэймрил повезло больше всех, он умер от разрыва сердца прямо в зале суда. Его имущество, если таковым считать груды старья в полуразрушенном древнем доме, как и сам особняк, конфисковали в пользу короны. А Фэйм осталась не просто одна на всем свете, не только без единственного защитника, но и лишилась последней (эфемерной) возможности подать на развод.⁸

Затем светские власти, с подачи и при активном участии лорда Джевиджа, стали потихоньку притеснять магов, поведя всестороннее наступление на вековые привилегии чародейской братии, что, конечно же, не могло не отразиться на

⁸ *Подать на развод* – законы Эльлорской Империи разрешают женщине подать на развод только при условии, что у нее есть близкий родственник мужского пола, который согласен взять над ней опеку (отец, брат, взрослый сын).

жизни Фэймрил. А потом... Словом, все плохое, случившееся с мистрис Эрмаад, имело единый источник – Росса Джевиджа. И сейчас, вот прямо сию минуту, этот источник бед и причина несчастий находился в ее полнейшей власти.

Искушение снять со спящего мужчины талисман и утопить колдовскую штуковину в отхожем месте оказалось слишком велико, чтобы с ним справиться одним лишь усилием воли. Фэйм несколько раз подходила к постели Росса, примериваясь, как бы половчее стянуть столь ценную вещь. Она даже прикоснулась к талисману, проведя подушечкой пальца по контурам гравировки. «Приложи меня ко лбу», «приложи меня...» – смешно и страшно. Смешная надпись, спасающая от страшных мук. Металл так нагрелся от кожи, что почти обжигал.

Как, оказывается, легко уничтожить сильного человека – надо просто отнять у него память о себе. А лишиться одного из самых ценных сокровищ – жизненного опыта и знаний, – оказывается, гораздо страшнее, чем избить до полусмерти и раздеть догола на морозе.

Фэйм присела рядом со спящим, пристально вглядываясь в его расслабленное лицо. Некрасивый, или, как теперь модно говорить, – неинтересный, с шишкой на лбу, пегой щетиной на тяжелом подбородке и черными провалами глазниц, волосы всклокочены, челюсти крепко стиснуты – ничего привлекательного, ничего располагающего к себе, словно каждая черта специально придумана, дабы провоцировать

людей на жестокость, бесчестие и предательство. Даже чувственные очертания губ вызывают желание вмазать по ним кулаком. Кажется, уничтожишь Росса Джевиджа, сотрешь с его лица это вечное выражение презрительного спокойствия, ударом ли, болью ли, злым словом ли, и мир изменится. Вот только к лучшему ли?

В окно глядел молодой месяц, подернутый туманной дымкой, предрекая перемену погоды. Сломанное в юности запястье Фэйм налилось тупой ноющей болью – завтра будет дождь. Женщина представила себе, как она снимет с Росса его колдовской талисман, заберет вещи и уйдет во влажную пелену морозящего дождя, предоставив лорд-канцлера страшной судьбе безумца. Ее руками свершится божье возмездие, отольются Джевиджу слезы, жизнь отыграется на нем за столько лет пренебрежения чужими страданиями... Вот только не поймет Росс Джевидж, за что наказан, будто лишний бродячий пес, которого бьют палками, чтоб не разносил заразу, а он скулит и машет хвостом, не ведая своей вины, и плачет от несправедливости звериными горькими слезами. Потому что тот, прежний лорд Джевидж, которого знала когда-то Фэйм, попросту умер, когда его лишили памяти, и нынешний Росс – всего лишь больной, искалеченный мужчина. Который, однако же, не побоялся противостоять троим сильным молодым убийцам, чтобы спасти совершенно незнакомую ему женщину от неминуемой гибели.

Уэн назвал бы подобные сомнения слюнявым слабоволи-

ем. Он всегда получал удовольствие от свершенной мести, но на то он и был волшебником и выходцем из тех слоев общества, в которых не принято тяготиться угрызениями совести, тем паче размышлять о чести и бесчестии во вред пищеварению.

Фэйм вздохнула, спрятала талисман обратно Россу под рубашку и укрыла своего давнего недруга запасным одеялом. А сама, точно так же не раздеваясь, прилегла на свою койку напротив. За окном продолжалась бурная жизнь постоялого двора: резко и развязно хохотала над чьими-то шутками шлюха, водоносы звенели ведрами, кто-то требовал еще бутылку, а за стеной тихонечко плакал ребенок. А если прислушаться внимательнее, то чуткому уху откроется целый океан звуков – от тихого поскрипывания сверчка и шуршания мышинных шажков до сухого шелеста трав на обочине и далекого тьявканья сторожевых собак. И конечно, легкое дыхание Росса Джевиджа. Куда ж без него?

Росса разбудил дождь. Тяжелые капли звонко барабанили по козырьку крыши, и назойливый звук этот постепенно ввинчивался в уши, изгоняя последние остатки сна. Пробуждение напоминало медленное всплытие со дна бездонного озера с чернильно-черной непрозрачной водой. Казалось, стоит только открыть рот, и она хлынет в глотку. Скорее! Наверх! Джевидж судорожно глотнул... Воздух! Дышать! Жить! Радость спасения ослепила его настолько, что

пришлось зажмуриться от ее сверкающей белизны. Но первым, что увидел перед собой Росс, когда сумел разлепить веки, было лицо женщины – золотисто-карие глаза широко распахнуты в непритворном испуге, губы шевелятся...

– Меня... зовут... Фэйм... Фэймрил Эрмаад, – не столько услышал, сколько прочитал по губам он. – А вас... Росс Джевидж.

Росс? Джевидж?

– Вот. Возьмите, – она протянула круглый медальон с забавной надписью «Приложи меня ко лбу», а когда Росс колебался, то сама исполнила смешную просьбу.

И несокрушимая дамба, выстроенная в разуме за ночь, снова беззвучно взорвалась, чтобы освободить половодье воспоминаний. И видит ВсеТворец, помнить себя вчерашнего и позавчерашнего приятнее утоления жажды, и пьянее вина, и лучше, чем страсть с самой прекрасной женщиной. Небо! Это такое счастье! На какое-то мгновение Росс преисполнился отчаянной любовью ко всему живому и неживому, к небу и земле, людям и животным, и особенно к мистрис Эрмаад.

– Спасибо, Фэймрил, – немного смущенно улыбнулся он. – Вы себе не представляете, как помогли мне, просто вообразить не можете. Иногда, пока я соображу глянуть на талисман, проходит половина дня.

«Еще лучше, – хмыкнула мысленно она. – Теперь мне все время придется будить его». Но лучше уж просыпаться по-

раньше, чем делить утро с безумцем.

Не то чтобы Фэйм очень сильно беспокоили возможные припадки Джевиджа. Ее лучшая подруга по пансиону страдала падучей болезнью. Ничего страшного тут нет, надо просто уберечь голову от сильного удара об пол или землю и не дать прокусить язык. Но одно дело, пятнадцатилетняя девушка-подросток, к которой относишься с огромной симпатией, а другое дело – чужой и опасный мужчина, чьи душевные качества далеки, мягко говоря, от совершенства.

Мистрис Эрмаад совершенно не выспалась и теперь упорно злилась на весь мир, а Росс Джевидж, напротив, пребывал в отличном расположении духа. Не смущал его ни дождь на улице, ни сырость в комнате. Он отдохнул и умственно и физически, а теперь жаждал деятельности. Первым делом он вызвался принести воды для умывания.

– Вам лучше пока не выходить на люди, – уклончиво проворчала Фэйм, подразумевая живописность синяков на его помятой физиономии. – Я – сама.

Все оттенки багрового и синего перетекали из одного в другой от линии роста волос вниз к бровям, разливались черно-лиловыми озерцами вокруг глаз и на щеках отливали нежной зеленью, к тому же нос сильно опух. Куда с такой рожей соваться?

Но Россу, похоже, было плевать на впечатление, которое он произведет на хозяев и прислугу, он не собирался уступать. Отняв кувшин у своей... ну, скажем... соратницы, лорд

Джевидж отправился на кухню, надеясь разжиться не просто водой, но теплой водой.

Оставшись одна, Фэймрил привела в порядок волосы, расчесав на прямой пробор и собрав их крепким узлом на затылке. Чуть ниже, чем пристало носить вдове, в основном ради конспирации, ведь они с лорд-канцлером назвались мистрилом и мистрис Джайдэв. Затем Фэйм почистила юбку и ботинки, а потом, хорошенько поразмыслив, извлекла из саквояжа теплый жакет на подкладке. Из-за дождя похолодало, но не настолько, чтобы кутаться в пальто.

– ...я прошу прощения... да-да, это обычное недоразумение... – донесся из коридора голос Росса.

– И даже не просите, милейший мистрил Джайдэв, мне несколько не сложно вам помочь, – любезнейшим, если не сказать лебезящим тоном отвечивал хозяин постоянного двора.

Мужчины долго толкались в дверях, пытаясь пропустить друг друга вперед и рассыпаясь во взаимных комплиментах. Видно было, что господин Бэллок проникся к постояльцу самыми приятными чувствами, ибо сам приволок два ведра воды – одно с холодной, другое с горячей. А ведь вчера вечером чуть было не выгнал за порог, настолько небогатая чета горожан ему не понравилась. Особенно – мужчина. Кабы не желание подзаработать в начале мертвого сезона, то еще неизвестно, где пришлось бы ночевать Россу и Фэйм. Не исключено, что и на конюшне.

И вдруг такая перемена. «С чего бы?» – насторожилась мистрис.

– Если пожелаете, то могу приказать истопить баньку, – господин Бэллок весь прямо лучился радостью.

– Что вы, что вы! Не утруждайте себя, сударь. Позвольте лишь позавтракать тут, в комнате, а не в общем зале, – попросил Джевидж.

– Мигом распоряжусь, – мурлыкнул хозяин и с самым серьезным видом исчез из комнаты. – Не извольте беспокоиться, – донеслось из-за двери.

– Вы его зачаровали? – изумилась Фэйм.

От упоминания магии Росс чуть заметно поморщился.

– Нет, мистрис, у меня нет колдовского дара. Иногда вполне достаточно проявить искреннее участие к нуждам и заботам человека, чтобы расположить его к себе.

«Росс Джевидж и искренность? Это что-то совершенно новенькое», – усомнилась мистрис Эрмаад, демонстративно приподнимая брови.

– Мне показалось – если раскрыть хозяину глаза на маленькое заблуждение и помочь ему сохранить честно заработанные деньги, то господин Бэллок станет поуслужливее, – невозмутимо усмехнулся бывший канцлер. – Похоже, обычный здравый смысл успешно заменяет мне отсутствующий магический дар, особенно когда речь идет о мошенниках.

– Вы их так быстро разоблачили? Как же?

Добродушно настроенный Росс Джевидж изобразил шу-

товской поклон в знак согласия. Мол, всегда к вашим услугам, благородная мистрис, стоит лишь пожелать.

— Это было просто... — молвил он и осекся. — Сделаем так — пока вода теплая, вы будете приводить себя в порядок, а я посмотрю в окно и заодно поведаю эту почти детективную историю. А потом меняемся местами — я моюсь, а вы рассказываете... обо мне все, что вам известно. Честно и без утайки. Договорились?

Фэйм спорить и сопротивляться не стала. В комнате имелась дешевая деревянная ширма, за которой можно спрятаться для быстрого омовения. Чтобы там ни говорили про лорд-канцлера и его скандальные похождения, но подглядывать за женщиной он не станет. Поэтому она смело обнажилась по пояс. После целого дня езды в телеге и ночи сна в одежде тело нестерпимо зудело.

— Я всего лишь внимательно выслушал двух обаятельных господ, пытавшихся искусить нашего доброго хозяина выгодной, по их уверениям, сделкой. Прелюбопытнейшая история, скажу я вам. Все предельно просто — вы вкладываете довольно крупную сумму в некий сертификат на право аренды отличного домика на Эктарском побережье и получаете исключительное право выкупа. Причем в рассрочку и без процентов. А если вы уговорите еще двоих знакомых или родственников сделать то же самое, тогда часть денег, уплаченных за сертификат, вам непременно вернут.

— Очень напоминает аферу. Кажется, в Шиэтре несколько

лет назад случился громадный скандал...

– Точно! Она самая. Только там наивным гражданам втюхивали земельные участки в доминионах. На самом деле нет никаких домиков на побережье, сертификаты поддельные и незаконные, – хмыкнул Джевидж. – Мне осталось только объяснить это господину Бэллоку. А он уже сам приказал вышибале выкинуть хитроумных дельцов за порог.

– О! – только и смогла сказать Фэйм. – Не зря, говорят, император поручил вам контролировать некоторые статьи бюджета.

– Хм-м-м-м... – задумчиво промычал Джевидж. – Значит, мои знания и умения оценены его императорским величеством по достоинству? Что ж – это приятно.

– Пожалуй, даже больше, чем следовало, – фыркнула вдова Эрмаад.

– Я злоупотреблял властью?

– В какой-то степени, – признала она, украдкой выглянув из-за ширмы. – Во всяком случае, вас неоднократно обвиняли в желании и возможности узурпировать власть.

Темный силуэт на фоне залитого дождем окна исподволь навевал мысли о кознях и тайных планах заговоров, роящихся в разуме этого мужчины. Военная выправка не давала лорду Джевиджу сутулиться и склонить голову.

– Желания и возможности – вещи разные, – холодно заметил он. – Сколько, вы говорите, я служу трону?

– Двадцать лет.

– Этого недостаточно, чтобы император убедился в моей лояльности? – удивился Росс и чуть было не развернулся лицом внутрь комнаты, но вовремя спохватился и прикрыл глаза ладонью.

– Я уже одета, – смилостивилась Фэйм.

Можно, конечно, потянуть время и назло старому недругу дожждаться, когда вода окончательно остынет, но есть ли смысл мелочиться? В конце концов, мошенников он разоблачил и честно заработал возможность нормально помыться и побриться.

– Теперь ваша очередь, – напомнил Росс, скрываясь за ширмой.

«Что ж, благородный лорд Джевидж, вы сами этого хотели», – злорадно оскалилась Фэймрил и поведала своему нечаянному спутнику о его жизненном пути. Все, что знала сама, а также услышанное из уст отца, Уэна и всех своих знакомых, которые, само собой, никакой приязни к лорд-канцлеру не питали, включая сплетни и домыслы. Росс ее не перебивал, внимая непростой повести своей жизни с прилежанием школяра-отличника. Несколько раз он высовывался из-за ширмы и встречался недоуменным взглядом с рассказчицей, не отнимая притом лезвия опасной бритвы от намыленного подбородка.

А было чему удивляться, а еще больше – возмущаться и негодовать. Про самоубийственные выходы в бытность кадетом и грандиозные попойки с шлюхами с последую-

щим разгромом борделя или трактира ходили целые легенды. Скандальный брак с распутной, как портовая шлюха, девицей, зато происходящей из древнего княжеского рода, тоже стал притчей во языцех. Поговаривали, будто Джевидж выиграл ее в карты у пьяницы-отца. И пока жена благополучно спивалась в веселой компании любовников, Росс воевал и договаривался о мире, убивал и миловал, разделял и властвовал, там, где другие лишь в бессилии руками разводили. Ему было плевать на все, что не способствовало возвышению. В ход шел политический шантаж, провокации и альковная дипломатия. Будущий лорд-канцлер переспал с женами всех советников и министров, возможно кроме совсем уж старух. Еще сильнее преуспел он в подковерных войнах с Ковеном, последовательно прижимая чародеев к ногтю во всех сферах.

– Однако... – только и мог сказать лорд Джевидж, когда Фэйм закончила повествование.

– И это при условии, что я не знаю и половины фактов, – с нескрываемым удовольствием сообщила она. – Я редко появлялась в высшем обществе, а если и выходила в свет, то лишь вместе с мужем, а он был магом...

– А я, получается, магов не слишком жаловал?

Фэйм хорошенько призадумалась прежде, чем ответить. «Не жаловал» – это мягко сказано. Лорд Джевидж питал к чародеям и волшебникам самую настоящую неприязнь, подозрительно граничащую со жгучей ненавистью. Во время

второй дамодарской войны по его приказу и при непосредственном участии были расстреляны пятеро боевых магов. Якобы за дезертирство, но, как утверждали Уэн и его друзья, то была месть за активное сопротивление преступным приказам генерала Джевиджа. Скандал удалось замять, но угроза трибунала не уняла его настойчивого желания загнать волшебников всех мастей в жесточайшие рамки ограничений. А в последнее время все шло к тому, чтобы возродить скорбно известный Конклав Рестрикторов⁹ и с его помощью контролировать каждый чих в недрах чародейского сообщества.

– Пожалуй, в своей нелюбви к мажеству вы составите конкуренцию легендарному Элринану-Ведьмобою, – дипломатично заметила Фэйм, другого, менее яркого сравнения она подобрать не смогла.

Росс изумленно поднял бровь. Знаменитый князь жил в те времена, когда про конституцию и парламент еще никто не знал и слов-то таких не было, а потому искоренял чародейство огнем и мечом столько, сколько ему заблагорассудилось и без оглядки на общество.

– Вот даже как? Полагаю, у меня тоже имелись веские основания для гонений. – Джевидж откровенно называл вещи своими именами. – И, согласитесь, теперь у меня еще больше поводов желать чаровникам зла.

⁹ *Рестрикторы* – ограничивающие (от лат. *restriction* – ограничивать). Конклав Рестрикторов был создан для надзора за магами и наложения ограничений на их деятельность, одновременно фискальный и карательный орган контроля. Практически аналог Святой Инквизиции, только светского происхождения.

Воистину так, ибо у князя Элринана оправдательная причина для ненависти была. Его единственного сына колдуны превратили в упыря-кровососа, которого несчастному отцу пришлось не только собственноручно убить, но потом расчленить тело и сжечь. Надо ли строго судить Ведьмобоя за то, что от четырех Великих Башен он оставил одни головешки, а черепами волшебников выложил дорогу от Каанефа до Нэну? Не помри доблестный воитель от черной оспы – не осталось бы в Эльоре ни единого паршивого колдунишки.

– Вполне возможно, но среди знакомых моего мужа никто не мог припомнить прегрешений против вас, милорд, или кого-то из вашего семейства. Наверное, это что-то бессознательное, из предыдущих воплощений.

Тем временем подавальщица принесла завтрак с пожеланием премногих удовольствий и приятного аппетита от милейшего господина Бэллока персонально. Манная каша без комков и блины с мясом тут же исчезли в глотке Росса Джевиджа, словно уголь в паровозной топке. Фэйм и глазом моргнуть не успела, как он уже подчистил свои тарелки и сидел, прижимая ко лбу медальон, зажмурившись при этом, точно огромный черный кот. Эдакий король помойки, греющийся на солнышке. Только без усов и хвоста.

– Знать о себе хоть что-то, пускай не самое лучшее, всегда приятнее, чем теряться в догадках, – молвил Росс, не разжимая век, будто бы читая мысли женщины, и улыбнулся. – Похоже... я – счастлив. Теперь можно все начинать заново.

– Все?! – ужаснулась Фэйм.

– Все! – глаза лорд-канцлера недобро блеснули. – Почему нет? Если однажды я сумел возвыситься, то смогу сделать это еще раз.

От такой вопиющей наглости женщина на время утратила дар речи, точно громом пораженная:

– Я не ослышалась?

– Нет, не ослышались, – резко отвечивал лорд-канцлер. – Согласен, с одной стороны – будет сложнее, ибо здоровье не то и возможностей гораздо меньше, а с другой – вернуть украденное гораздо проще, чем создать заново. У меня есть взрослый сын и должны остаться если не друзья, то сторонники – это раз. Император, похоже, мне благоволил – это два. И, в-третьих, у тех, кто стирал мою память, не получилось сделать самое главное – уничтожить мою личность.

Что-то было в его негромком и сухом голосе, что-то заставляющее слушателя выше вскинуть подбородок и без колебаний шагнуть вперед. Невзирая, вопреки всему, наперекор, против всех и через «не могу».

Мистрис Эрмаад стало душно на прохладном сквозняке от пронзительного предчувствия. Злоумышленники, сотворившие с лордом Джевиджем столь жестокую шутку, пожалеют о миге своего зачатия. И позавидуют мертвым.

– Вы говорите, я был неплохим полководцем? – требовательно спросил Росс.

Фэйм согласно кивнула. Откровенно говоря, маршал

Джевидж заслужил все свои воинские почести: ордена, эполеты и жезлы. Хотя бы просто потому, что приносил своей стране победу на поле брани, воюя не только числом, но и умением. И тут даже самые ядовитые и злоязыкие недоброжелатели вынуждены были молчать.

– Прекрасно! Значит, пора собирать армию.

Ей отчего-то стало смешно. Воображение разыгралось, должно быть, потому что привиделась мистрис Эрмаад могучая рать полоумного бывшего канцлера, состоящая из вдовы мага, хозяина постоянного двора, какого-нибудь обиженного жизнью провинциального лорденка и парочки пациентов Народной лечебницы.

– Зря вы так ухмыляетесь, Фэймрил. Из вас выйдет прекрасный солдат.

– Я польщена, милорд, – хмыкнула будущий «прекрасный солдат», не скрывая сарказма. – Нельзя ли мне для начала получить оружие?

Лорда Джевиджа смутить оказалось сложнее, чем предполагала вдова. Он без колебаний отдал ей один из револьверов, отобранных у наемных убийц в Сангарре.

– Вы знаете, как им пользоваться?

Фэйм усмехнулась, уж кто-кто, а она знала.

Вик Кешори считал себя крупным знатоком человеческих душ. Оно и понятно, когда почти четверть века только тем и занимаешься, что на глазок определяешь, сколько можно

отсчитать клиенту без боязни поплатиться здоровьем и жизнью за попытку нажиться на чужом горе. Клиент, он всякий бывает, раз на раз не приходится. Порой худосочная пигалица в гневе ножом пырнет, а здоровенный дядька будет униженно просить набавить пару медячков. Ежели принесла девка-прислуга дорогую брошь, стало быть, своровала у хозяйки, и себе дороже выйдет связываться с такой вещицей. Лучше сообщить куда следует потихонечку, а потом честно поделиться с дознавателем наградой. Тихую вдовушку не грех нагреть на две трети реальной стоимости фамильного золотишка – никуда она не денется и возьмет гроши, на которые Вик Кешори расщедритя по доброте душевной. А скажем, с сочной молодухи можно и натурой взять упущенную выгоду. Словом, к каждому переступающему порог потенциальному продавцу у скупщика особый подход должен иметься. А иначе прогоришь, как пить дать прогоришь.

К парочке, заглянувшей на огонек сразу же после полудня, Вик приглядывался дольше обычного. Мужчина – типичный отставной офицер, уволенный из-за пошатнувшегося здоровья, держался уверенно, но не шибко заносчиво. Умело прятал заикание, чуть дольше обычного растягивая слова при разговоре, и старался не опираться на больную ногу. И хотя выглядел отставник неважно, но Вик Кешори все же не рискнул бы сойтись с ним в рукопашной. Убьет со второго удара, уж больно руки привычны к палашу или винтовке, а глаза повидали слишком много чужих смертей. Опасный тип, с

какой стороны ни посмотри.

Его женщина... Скупщик так и не смог точно определить – жена она отставному офицеру или любовница, но в том, что кареглазая брюнетка – Его Женщина, можно даже не сомневаться. Потому что абы к кому не относятся такие вот упрямые солдафоны, словно к... полковому знамени. Иначе и не скажешь. И пусть на ней дешевая шляпка, платье видало виды, а боты знавали лучшие деньки и разве только каши не просят – она для отставного... ну, скажем, лейтенанта гораздо больше, чем мягкая податливая плоть, она – символ победы, королевский штандарт, который не уступают врагам.

Надо полагать, с вынужденной отставкой кончились у парочки хорошие денечки и настали тяжелые времена. Ибо женщина глядела на золотой кулончик с такой тоской, что у нее в глазах аж слезы стояли, до того не хотелось расставаться с памятной вещицей. Ужели свадебный подарок? Нет?

– А может, не надо? – проскулила она тихонько, считая, будто Вик не услышит.

– Ну, дорогая, мы же с вами договорились, – с мягким укором ответил мужчина.

Стало быть, колеблется, догадался скупщик. Еще немного, и сдастся.

– 17 таларов серебром, и ни сетом дешевле, – заявил он.

Женщина обиженно фыркнула:

– Он стоил 25 таларов, сударь.

– В Бу-Керке таких цен нет.

– Дорогой... – слезно взмолилась кареглазая.

– Двадцать, или мы уходим, – рыкнул отставной вояка и демонстративно сгреб побрякушку с прилавка.

– Хорошо! Восемнадцать с половиной, – сдался Вик.

Кулон и вправду был очень красивый, работа качественная и золото высшей пробы.

– Девятнадцать с осьмушкой, – сощурился мужчина.

Где этот гад так торговаться выучился, поразился Вик.

– Лады!

– Тогда девятнадцать с половиной!

Вик от досады сплюнул на свежевывытый пол.

– Хрен с тобой!

– Ы-ы-ы-ы-ы... – ныла дамочка, наблюдая, как ее единственная драгоценность переходит в чужую собственность.

– Не расстраивайтесь, дорогая, – смущенно пробормотал служивый, сворачивая ассигнации в трубочку. – У вас ведь осталось колечко.

«А скоро и его не будет», – без всякого злорадства подумал Вик Кешори, глядя им вслед.

Он-то лучше всех знал, как оно случается, тут и без гадания все ясно. Скорее всего, мужик вскорости дуба даст – скажутся раны и болячки, а баба отправится прямиком в рабочий дом, ибо для борделя бывшие честные женушки бравых офицеров подходят менее всего.

Хотя грустно все это, право слово, как грустно.

– Длань Милосердная! Теперь я себе могу вообразить, как вы руки выкручивали министру финансов, – не стала скрывать восхищения Фэйм. – Никогда бы не подумала, что вы умеете так виртуозно торговаться.

Она умела отдавать должное чужому мастерству, в чем бы оно ни заключалось.

– Главное – создать нужное впечатление, – усмехнулся Джевидж. – Остальное – дело техники. Просто я наблюдательный... хм... как выяснилось в последнее время. Когда не знаешь, кто ты такой, и нет никаких ориентиров, то иногда достаточно внимательно осмотреться вокруг. На других людей. Образ отставного сержанта делает тебя невидимкой в любой компании, а заодно без слов объясняет хромоту и... хм... придурковатость. Но вы тоже прекрасно сыграли свою роль, – признал он заслуги своей спутницы.

«Пятнадцать лет жизни с магом и не такому научат», – мысленно вздохнула Фэймрил.

– Спасибо, милорд, я старалась.

Продавать кулон решили идти вместе, изображая семейную пару мещанского сословия, чтобы не вызвать подозрений и чтобы мистрис Эрмаад не облапошили, а на лорда Джевиджа не донесли в полицию за подозрительный вид. Идея принадлежала Россу, а на долю Фэймрил досталось воплощение образов. И в итоге они разжились суммой, потребной для оплаты двух мест в дилижансе до Фахогила. Там они собирались пересесть на поезд, идущий в столицу. До 1 на-

рви оставалось ровно 40 дней. А точнее, всего 40 дней.

Глава 4

Не проходите мимо

Соседи по купе попались как на подбор молчаливые и замкнутые в себе. Пожилая сухощавая мистрис в сером учительском мантии и старомодном капоре, из которого ее маленькое личико выглядывало, подобно зверьку из норки. Мелкий чиновник Фахогильского магистрата, то ли писарь, то ли регистратор, пребывающий, похоже, в некоем неизбывном ужасе от жизни в целом. Два зажиточных фермера – русобородый постарше и черноусый помладше, с грубыми загорелыми лицами и лопатообразными ручищами. А еще закутанный в широкий черный плащ клирик неопределенного возраста и юноша-студент. Никому из них и в голову не пришло лишний раз приглядываться к отставному хрому офицеру с женой, чьи пожитки уместались в один саквояж. Эка невидаль!

– До Фахогила больше суток ехать, – тревожно напомнила Фэйм. – Вы сможете выдержать дорогу, милорд?

Росс решительно заверил, что для него не спать сутками вполне посильная задача. Дескать, как раз будет время почитать газеты. Зря, что ли, накупили их целый ворох, включая «Светские хроники» и «Деловой ежедневный листок». Но вдову Эрмаад по-прежнему терзали сомнения. Она-то знала,

каким утомительным становится путешествие в дилижансе уже после первых двух часов пути. Тут волей-неволей глаза сами начинают закрываться.

Но Джевидж оставался непреклонен в своем желании совершить очередной подвиг человеческого духа, одержав верх над слабой смертной плотью.

«Проклятье! Ну почему все мужчины такие упрямые идиоты? – со злостью подумала Фэйм, глядя, как ее... соратник... теперь, пожалуй, уже можно назвать его соратником, демонстративно углубился в чтение. – Ведь задремлет ненадолго. Хотя на мгновение, но утратит бдительность. И что тогда?»

Она так и не смогла забыть свой собственный путь из Эарфирена в Сангарру – почти семь суток непрерывной тряски, из каждой щели дует, поясница болит, ноги затекли – сплошной кошмар, не имевший, как казалось тогда, ни конца ни края. Впрочем, бывший маршал Империи начинал свою карьеру простым гвардейским офицером, и тяготы воинской службы ему знакомы не понаслышке. Небось ночевок в чистом поле прямо на земле возле походного костра у Росса Джевиджа было предостаточно. Поэтому мистрис Эрмаад совершенно справедливо решила, что раз лорд-канцлер уже взрослый, то вполне может самостоятельно выбирать, каким способом ему приятнее над собой издеваться. Ему предложили подремать у нее на коленях, так чтобы Фэйм сумела вовремя употребить талисман? Предложили. Он категори-

чески отказался от, как было замечательно сказано, «услуг няньки». Мистрис Эрмаад лорду Джевиджу не указчица и не нянька, это точно!

И пока похожая на мумию тушканчика учительница грызла яблоко, Росс вчитывался в газетные статьи, а все остальные в той или иной степени дремали, Фэймрил предавалась любимому развлечению последних, дай ВсеТворец памяти, десяти лет – самозабвенно и обстоятельно мечтала. В мельчайших подробностях, не пропуская ни единого пустяка, как, наверное, умеют только женщины. О том, как замечательно заживет в собственном столичном доме, пригласит кухаркой Биби Джетенгру и возьмет из сиротского приюта маленькую девочку... или мальчика... а может быть, сразу двух детишек. Впереди целая жизнь, и ее стоит посвятить чему-то достойному. Особенно если молодость безвозвратно загублена на самовлюбленного жестокого эгоиста. Да, так и будет. Пусть только лорд Джевидж восстановится в прежних правах, поможет ей сделать то же самое. И тогда... тогда Фэймрил Бран Эрмаад будет припеваючи жить со своими детьми: водить их на прогулку в зоосад или цирк шапито, учить музыке, а вечером укрывать одеялом и читать сказки. Разве она многого хочет? Нет, правда? Ее Кири могло бы сейчас быть четырнадцать. Фэйм почувствовала, как предательски щиплет под веками, и заставила себя сдержаться.

«Это всего лишь нерастраченные материнские инстинкты», – строго сказала она себе и приказала думать о чем-то

другом.

Скажем, о том, каким чудом лорд Джевидж сумеет свернуть в бараний рог своих неведомых, но могущественных недругов. Ведь совершенно очевидно – тут ведь без магии не обошлось. Если колдуны умеют расщеплять кости и вытягивать жизненную силу, препятствовать зачатию, провоцировать приступы падучей и замедлять сердечный ритм, то отчего бы им не покопаться в чужих мозгах?

Вот и пойми, магия – это добро или зло? Или все вместе? Чарами можно спасти, но еще проще убить. Только почему же большинство чаровников предпочитают использовать свою Силу в качестве оружия? Но при этом очень обижаются, когда кто-то, как, например, лорд Джевидж, видит в них потенциальных опаснейших врагов.

Так это он судит, не пожив ни с кем из волшебников под одной крышей ни единого денька. А что тогда сказать о чувствах Фэйм?

Кто же знал, что Уэну, умному и воспитанному Уэну, либералу и прогрессисту, так неприятно будет слышать сдавленные рыдания молодой супруги, оплакивающей смерть новорожденной дочери, и он захочет избавить любимую женушку от страданий. Самым простым и радикальным способом, дабы не уподобляться «доброму» хозяину, рубившему собачий хвост не сразу, а по частям. При этом у бедной женушки никто не спросил согласия, когда на ее талию надевался красивый, расшитый дивными серебряными узорами

поясок, вдруг она хотела бы еще раз пройти через беременность и роды. Но – нет, мудрому волшебнику виднее. Фэйм больше не будет рыдать ночами и отрывать своего занятого мужа от дел. У Фэйм больше не будет детей. Ни от Уэна, ни от любого другого мужчины. Здорово, правда?! Какой удобный выход из положения.

Магия не передается по наследству, ну разве что очень уж повезет и во внуках-правнуках прорежется волшебный дар. Колдуну талантливый ученик гораздо ближе и дороже родного сына – это знают все.

Сначала, помнится, Уэн кормил наивную супругу обещаниями снять заклятье, при условии ее хорошего поведения и послушания, превратив тем самым поясок в крепкий и надежный поводок. А потом в изрядном подпитии признался, что давным-давно уничтожил его, дабы не ввергать себя в искушение.

Но теперь... теперь все будет по-другому. Пусть только Росс Джевидж победит. Пусть он победит... победит...

Изображать несокрушимую уверенность в себе гораздо проще, чем испытывать ее на самом деле.

«ВсеТворец-Вершитель! Что ж дальше-то делать?» – отчаянная мысль грызла Росса Джевиджа изнутри, точно жук-короед старое дерево.

Разумеется, услышанное от мистрис Эрмаад воодушевило Росса несказанно. К титулу «лорд» прибавилось знание о

знатности своего рода, пускай угасающего, но одного из самых знаменитых в Империи. Вдохновили и сделанная карьера, и нажитая репутация. Безымянный сумасшедший, припадочный и лишенный памяти, не просто вырвался из смиренной рубашки, он к тому же обрел имя и узнал немало о своей жизни. Не самой последней и бездеятельной жизни, надо заметить. Мэтр Амрит не ошибся в выводах, когда авторитетно заявлял, что его подопечный был воином. Об этом говорили не только шрамы на теле, но и способ мышления. И ведь не простым воином оказался, а полководцем и даже маршалом Эльлора. Право слово, Джевидж мог собой гордиться. Паскудным гадам, которые искалечили его разум, не удалось разрушить характер и сломить волю, а значит... Далее строгая железная логика рассуждений крошилась под действием ржавчины сомнений.

«Мы победим, Фэймрил, мы непременно победим!» – без остановки твердил себе Росс, но легче и спокойнее на душе у него не становилось.

С одной стороны, если ему до сих пор удалось преодолеть столько препятствий: осознать себя, найти Фэйм Эрмаад и обзавестись оружием, – то вполне вероятно, что и остальное окажется по плечу. А с другой стороны, до нарви-месяца так мало времени, просто катастрофически мало, а им еще нужно тайно добраться до Эарфирена, установить виновных, исправить... вылечить... исцелить, разоблачить заговорщиков и восстановить свой статус. Не слишком ли обширен спи-

сок «добрых» дел и «скромных» подвигов для двух человек, до сих пор особо не обремененных благосклонностью Дамы Удачи?

На стороне Росса Джевиджа будет эффект неожиданно-сти, на стороне его врагов – власть и магия. Но они не ждут подвоха, а лорд-канцлер не станет идти напролом. Зачем же учить столько лет военную стратегию, если не пользоваться своими знаниями на практике? Не так ли, господа?

Росс пониже опустил шляпу на лицо и стал изучать газеты на предмет новостей из жизни своего двойника – лже-канцлера Джевиджа. Долго искать не пришлось. 11-го числа последнего осеннего месяца ариса в столице под Высочайшим патронажем откроется выставка технических новинок немагического происхождения, включающая в себя подробные лекции о современной механике с демонстрацией опытных образцов. Также программой предусматривался парад монгольфьеров и прочих изобретений в области воздухоплавания. Естественно, что на мероприятии такого уровня присутствие лорд-канцлера так же естественно, как продажа вразнос леденцов на палочке. Ну что ж, если надо, значит, надо – лорд Джевидж обязательно нанесет визит. Лично. В конце концов, приглашение на выставку адресовано ему, а не самозванцу.

Дальнейшее чтение вызвало у Росса прилив ледяной ярости. Шиэтра! Если у Эльорской Империи имелся вечный антагонист в политических устремлениях, то это всегда бы-

ла Шиэтра. Армии разделенных двумя морями стран никогда не сходились на поле брани, но их правители и дипломаты из века в век только и делали, что строили друг другу козни, стравливали союзников меж собой и старались выдавить соперника из сфер своего влияния. Были времена крайней вражды, сменяемые недолгими периодами относительного перемирия. Именно поэтому мать нынешнего императора Раила – принцесса-шиэтранка. Но закрывать глаза на то, что Кордэйл – первейший из сателлитов Шиэтры – аннексировал Джотсан, – это не политический просчет, а самое настоящее предательство. Разумеется, нынешний Росс Джевидж не мог помнить, какую конкретно политическую линию проводил он сам, будучи при власти и памяти, но чего он не мог делать точно, так это попустительствовать шиэтранским захватчикам.

Сидевший слева от лорд-канцлера хмурый востроносый клирик бросил взгляд на передовицу «Столичных вестей» и не сдержал возмущенного возгласа:

– Они там совсем с ума спятили?! Подстилки мажь! Джотсан мы уже прохлопали, осталось только подарить Виндру Дамодару.

А ведь точнее не скажешь, подумалось Россу. За независимость Виндры пролито столько эльорской крови, что только безумец решился бы пренебречь ее интересами. Но видимо, у лжеканцлера имелись другие планы.

– Куда только смотрит государь? – не мог никак успоко-

иться слугитель ВсеТворца. – Этого Джевиджа пора скинуть к демонам и поставить на его место нормального человека.

– Угу, – осторожно кивнул Росс. – Словно подменили его.

– Говорят, во время прошлогоднего мажьего мятежа Джевиджа не только ранили, но и башку отшибли, – вмешался в разговор студент. – Он и раньше-то не слишком дружелюбным человеком был, а тут совсем ополоумел на почве подозрительности.

– Вот бы окончательно сдурел наш канцлер и в приют для безумцев попал – то-то было хорошо, – удовлетворенно кивнул клирик, являя миру не свойственное слугителям ВсеТворца жестокосердие и, пожалуй, даже злобствование. – Туда ему и дорога, кровопийце.

Росс даже бровью не повел. Все-таки самой последней вещью, в которой он сейчас нуждался, была народная любовь. Он покосился на Фэйм и перехватил ее полный язвительного любопытства золотисто-карий взгляд. Мол, а вы чего хотели, милорд? Рукоплесканий и верноподданнических чувств? Как бы не так! Ее губы саркастично изогнулись.

«Злорадуем, мистрис Эрмаад?» – ухмыльнулся в ответ канцлер.

– Дорогая, я бы с огромным удовольствием поглядел на тот чудесный бутерброд, который вы припасли в дорогу, – промурлыкал Росс и тут же повернулся к клирику: – Это все мажьи происки, ваше послушание, ж-ж-ж... задом чую – тут замешаны колдуны.

И тут же приобрел в лице служителя ВсеТворца преданного единомышленника, по чьему мнению все беды человечества происходили из двух источников – жадности и неумного любопытства. Оба порока были присущи чародеям в гораздо большей степени, чем обычным людям. Росс добавил от себя еще и жестокость, а подключившийся к разговору студент – нетерпимость. И хотя, по глубочайшему убеждению Джевиджа, по части нетерпимости Клир совершенно не уступал Ковену, но спорить он не стал. Целью беседы и совместного потребления бутербродов с сыром и ветчиной под глоточек крепкого бренди из фляги студента ставилось расширение нынешнего политического кругозора. Газеты газетами, а неплохо было бы знать настроения умов, так сказать, простого народа.

По весьма точному определению классика эльлорской литературы мэтра Бариласа Хакмиды, народные массы во все времена волновала исключительно густота и наваристость своего домашнего томатного супа, а также цены на хлеб и налоги. Но в последнее время прибавилась и еще одна животрепещущая тема. А вот и нет! Вовсе не количество платьев у новой любовницы императора – очаровательной юной леди, а вероятность новой войны с Дамодаром. По идее, персона маленечко спятившего лорд-канцлера в списке интересующих народ вопросов должна была замыкать второй, а то и третий десяток. Ибо он всего лишь где-то очень далеко, почти в заоблачных столичных высотах делал слишком серьез-

ную для понимания нормальным человеком политику. Постепенно, почти исподволь Росс увлек разговором всех пассажиров, кроме разве что фермеров, но и они предпочитали молчать исключительно по причине косноязычия, зато слушали в четыре уха.

– Оно со стороны почти незаметно, но я вам скажу, как человек опытный и многое повидавший на своем веку, колдуны постепенно подгребают власть под себя. Еще год назад бургомистр не имел права брать на работу мага, не согласовав кандидатуру с надзирающим актором, а сегодня – пожалуйста, даже разрешения не требуется, – рассказывал старший писарь магистрата из Фахогила. – Хокварская Магическая академия получила назад свои охотничьи угодья, лицензии на практику раздают каждому желающему.

– Безобразие какое! – возмутился клирик. – На каждом углу по три колдуна сидит. Тьфу!

– Угу! И половина из них – шарлатаны-недоучки, – подтвердил юный студияз.

Парень полгода практиковался у доктора-акушера и собственными глазами видел, как тот без всякого колдовства помогал женщинам благополучно разрешиться от бремени, в то время когда его коллеги-маги предпочитали полагаться не на проверенный годами опыт родовспоможения и умелые руки, а на силу заклинаний.

– Они ж роды вести не умеют, – сокрушался будущий медик. – Только и могут, что без конца стимулировать.

На взгляд Джевиджа, до окончания учебы тому еще далеко, не менее семи лет, но юноша не выглядел дилетантом. Звали его Кайр. Такие должны нравиться девушкам – глазички зеленые, по-кошачьи чуть раскосые, смуглый и буйново-лосый, словно поэт-романтик начала века. Во всяком случае, сестры милосердия на парня должны сами вешаться.

– Просто Кайр, без всяких фамилий и прозваний, мистрил Джайдэв, – представился он, протягивая Россу для пожатия чистую, сухую и теплую ладонь. – И я почту за честь, если на ближайшей остановке вы позволите осмотреть свою рану на шее.

– Буду премного благодарен... Кайр.

Юноша решил, что имеет дело с ветераном последней да-модарской войны, и счел необходимым оказать помощь доблестному воину. Собственно, слишком далеко от истины он не ушел, Росс в ней участвовал, но не младшим офицером, а маршалом, что сути вопроса не меняло. Глубокий ожог никак не хотел заживать и все время сочился сукровицей и гноем, а о его происхождении Джевидж даже не догадывался. Может, у будущего доктора получится справиться с напастью, потому что мэтр Амрит вылечить рану так и не сумел. Впрочем, все знают, каковы лекари из колдунов.

Но, по всей видимости, у ВсеТворца имелись несколько иные соображения относительно пассажиров этого дилижанса.

Прислушиваясь к оживленной болтовне спутников, Фэйм поражалась той сверхъестественной легкости, с которой Росс Джевидж умудрился втянуть незнакомых и не расположенных к общению людей в интересующий его разговор. И куда только подевалось бывшее мрачное высокомерие лорд-канцлера? То была удобная маска, столь необходимая каждому политику, или Джевидж инстинктивно ищет сторонников, неосознанно вербует ту самую потребную для победы «армию»? Слово за слово, вот уже никто, в том числе и учительница мистрис Магди – сама воплощенная сдержанность, которая попервоначально чуть ли не шарахалась от увечного офицера, – внимает ему, не замечая ни побитой разбойничьей рожи, ни грубого голоса. В острой политической дискуссии Фэйм участия не принимала, хотя имела твердые убеждения и взгляды. Другое дело, что она не привыкла высказывать их вслух, памятуя о вечном мужском предубеждении против женщин, худо-бедно, но разбирающихся в политике.

– Риоган! – завопил возница, заранее оповещаая пассажиров дилижанса о скорой остановке.

И действительно, дорога обогнула стороной небольшую рощу, и впереди показался крошечный городок, мало чем отличающийся от сотен таких же сонных местечек, разбросанных по просторам Эльлора. Горстка черепичных крыш, утопающих в садах, ныне охваченных золотом и багрянцем середины осени. Здесь теплая пыль по щиколотку – в разгар

лета и ужасающая грязь – зимой и весной. Воздух тут можно пить вместо парного молока, а время измеряется от праздника до праздника. Чудный и тревожный мир, где рядом уживаются изумительная патриархальная щедрость и граничащая с безумием подозрительность, обитель самой твердокаменной косности и колыбель самых удивительных, а главное, новых идей. Тут любой чужак – потенциальный враг, а каждый гость – священная и неприкосновенная персона, будто встарь. В этом смысле Сангарра – нетипичная провинция, и только поэтому Фэйм рискнула начать новую жизнь именно там. В местечке вроде Риогана она бы точно не выжила. Хотя, если уж быть до конца честной, следует признать – попытка спрятаться в Сангарре изначально обречена была на провал. От судьбы не уйдешь, она, словно лесной зверь – росомаха, не свернет со следа, отвлеченная другой, возможно, более легкой добычей. И когда ты упадешь от усталости, она прыгнет на загривок и вонзит свои острые зубы. И если нить судьбы Фэймрил давно уж в руках Росса Джевиджа, то сколь ни рвись, а никуда не денешься.

Под истошный собачий лай дилижанс с грохотом промчался по главной улице, распугивая гусей, чтобы лихо притормозить прямо напротив крыльца станции, на котором его уже поджидал усатый важный почтмейстер с опечатанным мешком наготове. Лавочка, на которой обычно сидят потенциальные пассажиры, пустовала, зато рядом с ней пристроился попрошайка. Ног у него не было до коленей, костылей

тоже, поэтому перемещался он на самодельном возке, ловко отталкиваясь от земли руками. А чтобы у сердобольного народа не возникало никаких сомнений насчет подлинности увечья, нищий выставил кое-как обмотанные тряпьем культи на всеобщее обозрение. Мол, все без обмана, господа хорошие, можете не сомневаться.

– Пода-а-айте калечному ветерану! – возопил он, резво подкатываясь прямо к дверце дилижанса и протягивая руки в просящем жесте. – На дамодарской войне ног лишился! Подайте на пропитание!

Глаза у него голубые-голубые, как летнее небо над Сангаррой, смеющиеся и нагловатые. Не нужно даже чародейски читать в душах, и так понятно – мужичонку терзает вовсе не голод, а жажда. Нет сомнений – что добудет попрошайничеством, то пропьет безбожно.

Но мистрис Магди все равно потянулась за милостыней. Вот только от содержимого кошелька ее и всех остальных путников отвлек почти звериный рык младшего из фермеров.

– А-грррррр! – взревел черноусый и рванул из купе на улицу. – Ветеран, говоришь?! Вилту помнишь?

Хитроватая ухмылка спрыгнула с грязного лица нищего, точно лягушка с коряги. Голубизна глаз моментально выцвела до белым, и в их мутных озерах застыли узнавание и звериный ужас. Одним ударом в нос фермер опрокинул верещащего попрошайку навзничь вместе с возком. Кровь и зу-

бы брызнули в разные стороны. Фэймрил и не представляла себе, как, оказывается, легко и быстро превращается человеческое тело в окровавленную тушу при помощи одних лишь только голых кулаков. Фермер старался от души – молотил нищего, точно ржаной сноп, топтал его ногами, круша кости, и совершенно не обращал внимания на истошные крики избиваемого.

– Вилта тебя тож просила! – приговаривал он. – Тож молила. А ты? Ты что сделал? А!

Кровь, вопли, тупые удары и тяжелое сосредоточенное дыхание дюжего земледельца – Фэйм глаз не могла отвести от этого ужасающего и заворачивающего зрелища, хотя к горлу подкатывала тошнота. Она хотела бы последовать примеру учительницы – спрятать лицо в ладонях и заткнуть уши, но тело отказывалось повиноваться, стремительно впитывая каждое мгновение ярости и страданий. Запасаясь впрок, что ли?

– О ВсеТворец! Что? Что он делает?! – взвыл клирик. – Остановите! Нет!

Почтмейстер резко засвистел в свисток, тщетно призывая на помощь полицейского. Остальные мужчины вскочили со своих мест, дабы прекратить жестокую расправу. Кто-то повис у драчуна на плечах, кто-то пытался удержать руки. Но куда там! Двое щуплых горожан вкупе с крепким фермером оказались бессильны против свирепой и слепой ярости. Зря служитель ВсеТворца взывал к милосердию, а возница – к

соблюдению графика, никто их не слышал.

А Росс Джевидж с места не двинулся, только крепче сжал Фэйм за локоть. А когда она открыла рот, чтобы спросить... Посмотрел, словно бичом стеганул. Мол, только попробуйте начать причитать.

На удивление быстро закончив экзекуцию, фермер зло сплюнул на то, что осталось от попрошайки, и стал дожидаться прибытия полицейского, забрызганный кровью, но спокойный как скала.

– Никакой он не ветеран, – мрачно пробурчал он. – Мою сеструху насильничал десять лет тому назад, с-с-сука брехливая. Подловил в поле, надругался по-всякому, разорвал всю в клочья, точно зверь. Девчонку-десятилетку, паскуда, не пощадил... – мужчина тяжело сглотнул, голос его чуть дрогнул. – Похвалялся потом... весело ему было... А ноги... ноги он на каторге отморозил.

Его бородатый коллега поскреб пятерней в затылке:

– Убег, стал быть, гад. Аль отпустили за калецтво.

Джевидж хмыкнул, Кайр дернулся и отпрянул, писарь отвернулся, а клирик процитировал отрывок из Книги Все-Прощения, но ни у кого не нашлось слов осуждения мстителю.

В купе так отчетливо пахло кровью и свежим потом, как, должно быть, пахнет сама смерть, подумалось Фэйм. У смерти очень много характерных запахов: она благоухала жасмином, когда не стало леди Бран, и воняла пороховой гарью в

день гибели Уэна. А еще – чистенькими свежими пеленками, заранее и с любовью приготовленными для Кири...

– Вам дурно, мистрис Джайдэв? – спросил тихонечко Кайр и, когда Фэйм не отреагировала на фальшивую фамилию, осторожно тронул ее за плечо. – Мистрис? Дать вам нюхательной соли?

– А? Нет!

Оказывается, дилижанс снова тронулся в путь, а Фэймрил не заметила, когда это случилось, пребывая душой где-то в запредельных сферах. Она с болезненным любопытством осмотрелась вокруг. Мужчины молчали, мистрис Магди сосредоточенно вглядывалась в проносящийся за окнами пейзаж, словно его бесконечная изменчивость способна стереть воспоминания о недавней жестокой сцене, точно губка надпись мелком на грифельной доске.

– Откуда вы знали? – напрямую спросил Кайр у невозмутимого Джевиджа, резанув отставного воина зелеными молниями ярких, опущенных черными ресницами глаз. – Можете с первого взгляда определить, кто ветеран, а кто притворяется?

– Нет, конечно, – спокойно отвечал Росс. – Я вовсе не ясновидец.

– Тогда почему не остановили расправу? – настаивал будущий лекарь.

– Вряд ли у меня получилось бы, – вздохнул Джевидж. –

А вы сожалеете, что не успели спасти насильника?

– При чем здесь жалость? – возмутился паренек. – Когда человека на ваших глазах ни с того ни сего забивают до смерти, разве это не повод вмешаться?

– Разве он, – Росс дернул подбородком куда-то в сторону оставшегося позади Риогана, – разве он стал бить п-попрошайку п-просто так, без всякой п-причины? Разве п-подонки, изнасиловавший и убивший реб-бенка, не заслуживают самой с-страшной с-смерти?

От волнения и внутреннего напряжения у Джевиджа возобновилось заикание, обеспокоившее Фэйм не меньше, чем недавнее смертоубийство. Не закончилось бы все припадком. Она незаметно сжала его бицепс. Под одеждой и кожей отчетливо подергивались мышечные волокна. Мелко-мелко, как если бы Росс тащил из воды тяжелый невод, полный рыбы.

– Думаете, если кого-то бьют, то обязательно за дело?

– Нет. Меня много раз б-били п-просто так из скотского удовольствия, – отрезал Джевидж.

– И никто не пришел к вам на помощь? – спросила вдруг учительница Магди, близоруко щуря маленькие мышинные глазки.

– Никто, мистрис. Люди вообще мало склонны к м-милосердию. Но п-прежде чем очертя голову бросаться на чью-то защиту, нужно дать себе труд немного п-подумать над происходящим, – хладнокровно молвил Росс. – Не исключая

также, что в мире есть л-люди, которые сп-пят и видят, как спустить с меня шкуру при п-первом удобном с-случае. Но одно я знаю точно, м-мистрис, детей я не насиловал. Так вот, если заб-бьют, то за д-другое. Что не м-может не радовать.

Голос его звучал спокойно, но Фэйм чувствовала, сколь напряжен ее спутник.

«Успокойся, успокойся, успокойся... – мысленно повторяла она, с ужасом ожидая начала приступа. – Держитесь, лорд-канцлер. Вам можно многое поставить в упрек, но только не зверство и мучительство. Не бойтесь – этого не было никогда». Само собой, жизненный путь политика не может быть выстлан лепестками роз, карьера Росса Джевиджа тому яркое подтверждение, и на какие бы компромиссы с совестью ни шел лорд-канцлер, но живодером его никто не посмел назвать, даже самые заклятые недруги.

Кроме того, Фэйм довелось на собственном опыте убедиться – далеко не все, что кажется очевидным, таковым является. Однажды дамы из Благотворительного Комитета пригласили Фэйм вместе посетить женскую тюрьму, раздать новогодние подарки узницам. Там были разные женщины – воровки, убийцы, проститутки. В большинстве своем грубые, злые и вульгарные девки, на чьем фоне одна из заключенных смотрелась как посланница ВсеТворца. Такое милое ясноглазое создание со взором одинокой голубицы, к тому же грамотная, которая регулярно терпела всяческие притеснения от сокамерниц. Казалось, эта кроткая барышня не

способна и мухи обидеть. Каково же было узнать чувствительным леди из Комитета, что смиренница и страдальца утопила в колодце двоих детей своей соседки. Девушка была сиротой, и весь городок помогал чем мог, даже денег на покупку маленького домика собрали общиной. Какое-то время она работала нянкой у молодой супружеской пары, относившейся к несчастной сиротке как к родной. А она возьми и сбрось в колодец их двухлетнего малыша, а следом месячного младенца. Почему? На суде красавица потупила взор и призналась: «Из зависти».

Ближе к ночи начал снова моросить мелкий дождик, и чтобы внутрь купе не летели брызги, пришлось опустить плотные кожаные шторы. Темнота проглотила желание попутчиков поддерживать беседу, утихомилив даже говорливого студента. Мистрис Магди быстро задремала и начала посапывать. А тут еще и теплый бок вдовушки и ее же рука, успокаивающе обвивающая правое предплечье.

– Вы еще не спите... дорогой? – с многозначительной запинкой спросила Фэймрил.

Видно же, что обращение как к супругу ее коробит, а игра в конспирацию – сильно не по душе. Но терпит же, терпит и скрепя сердце подыгрывает в их не слишком умелом лицедействе. Надолго ли вас хватит, мистрис Эрмаад?

– Не спится, – отозвался Росс, стараясь, чтобы голос звучал как можно бодрее. – Вы же знаете, что у меня бессонни-

ца... дорога.

На самом деле мысли в голове все больше запутывались, уводя сознание куда-то в густой сизый туман, более схожий с дымом от пожарища, чем с прохладным рассветным покрывалом, лежащим на убранных, но еще не пробороженных полях. Скоро, очень скоро наступят те прозрачно-хрустальные дни, свойственные лишь эльорской поздней осени. В холодном стылом воздухе будет пахнуть землей и каждый звук – казаться резким, словно хлопанье мокрого паруса на ветру.

«Откуда я все это знаю? Где таится прошлое – вся эта хренова куча лет? Целых сорок! Сорок весен, сорок зим, где они? – спрашивал Джевидж у самого себя. Сурово, почти с пристрастием, будто допрашивая важного, но несговорчивого пленного. Но ничто внутри его не отзывалось, не дрогнула ни единая струна, ни единая искорка памяти не ожила в подернутом седой золой костре памяти. – Я должен вспомнить. Должен...» Но нет! Как будто в него угодила пуля. Бах! – и прямо в сердце. Только не убила почему-то, а прежний Росс Джевидж в этот самый миг решил, что умирает. И умер, только не телесно, а как-то иначе.

Время после пробуждения в доме мэтра Амрита... собственно, время вообще чудовищно интересная штука. Оно, оказывается, вовсе не летит, как ветер, и не сочится густой каплей смолы, оно проходит насквозь, разделенное чередой восходов и закатов... счастливое время... тревожное время... время жить и время умирать... Оно слов-

но бесконечный дождь, за стеной которого тает боль и растворяется печаль... Время замирает на кончиках пальцев... И это бесконечное кружение в хороводе «вчера-сегодня-завтра», плавно перетекающих из одного в другое...

Росс не заметил, как соскользнул в тревожный сон. Оступился на мокрой от вечного дождя мраморной ступеньке и рухнул в мягкую податливую темноту, скорее напоминающую смерть, как ее описывают еретики, отрицающие вечную жизнь души.

А вдруг это не память отняли колдуны у лорда Джевиджа, а каким-то чудовищным способом сумели убить его бессмертную душу? Такова была последняя осознанная мысль Росса, прежде чем сознание его окончательно погасло.

От станции Каилаш до Фахогила всего пять часов пути, к тому же расписание составлено так, чтобы пассажиры дилижанса успели взять билет на столичный поезд и занять свои места в вагоне. Посему никаких задержек в дороге. И хотя остановка короткая и делается она далеко за полночь, а все равно лучше не лениться, встать и размять ноги. Кайр Финскотт не столько последовал совету более опытных путешественников, сколько не мог заставить себя ехать дальше, как ни пытался. От стыда его буквально корежило, едва ли не сильнее чем от холода. Несчастной мистрис Джайдэв сейчас, пожалуй, вдвое хуже – одной, ночью под проливным дождем и с припадочным мужем на руках.

Когда отставной солдат вдруг начал биться в судорогах, заходясь дикими воплями, то испугались все, включая его жену. От этого нечеловеческого крика едва не взбесились и не понесли лошади. Мистрила Джайдэва крючило в жутких корчах, на губах его выступила кровавая пена, голову швыряло из стороны в сторону, и как ни пыталась мистрис утихомирить больного какой-то чародейской штуковиной, но уловить момент и приложить ее к голове мужа у женщины не получалось даже с помощью фермера. В итоге возница остановил экипаж и потребовал супругов покинуть купе немедленно. Его и так накажут за опоздание и задержку в Риогане, а ехать дальше с таким пассажиром невозможно. Мистрис попыталась возразить, но тщетно. Остальные пассажиры поддержали кучера. В том числе, получается, и сам Кайр, пускай он просто промолчал. За ветерана не вступился даже клирик, хоть по всем заветам его послушания обязан являть мирянам образец милосердия к ближнему. Однако же не явил и не собирался являть. Всем хотелось ехать дальше, а возница оставался непреклонен в желании как можно скорее избавиться от неудобного клиента. «Еще неизвестно, не заразная ли эта хворь», – откровенно читалось на лицах перепуганных спросонок людей.

Неведомо, как чувствовали себя остальные честные граждане, но Кайра всю дорогу до Каилаша отчаянно мучила совесть. У него перед глазами все время стояло белое, перекошенное страданием лицо мистрис Фэймрил. Нет, она не

рыдала, просто с маленьких полей шляпки прямо на щеки текла дождевая вода. Пряди мокрых волос облепили шею, а синие от холода пальцы намертво впились в ручки потертого саквояжа. А прямо в грязи у ее ног бессильно корчился в припадке бывший солдат императора, ее муж.

Мать Кайра бросила отца за гораздо меньший порок, нежели падучая. Устала готовить диетические супчики и выхаживать после приступов желудочной язвы. А у законника-адвоката служба нервная, от нее и болезнь. Папаша-то человек совестливый оказался, переживающий за каждого своего подопечного, точно за родного.

А вот мистрис Джайдэв не покинула своего мужа в хвори и немощи, оставшись верна брачным обетам. И тем самым уязвила Кайра Финскотта, который по малодушию отступился от клятвы помогать «болящим в доме ли, в дороге ли, в одиночестве ли, в кругу ли семейном», как сказано во «Врачебном уложении». Стыд и позор! Бросил немощного и страдающего на произвол судьбы! Кайр прямо слышал громкий каркающий голос своего наставника – профессора Кориня, когда тот, дознавшись о случившемся на Фахогильской дороге, устроит ему грандиозный разнос. А в том, что мэтр узнает, можно не сомневаться. Знаменитый хирург, целитель волей ВсеТворца, известен был на всю Империю не только достижениями на поприще врачевания, но и тем, что, будучи магом, добровольно отказался от чародейской силы в пользу медицины-науки. Отречься-то он отрекся, но магия

из профессора Коринея никуда не делась, а потому ему ничего не стоит выяснить, отчего его лучший ученик ходит смурной и невеселый. Лучше уж самому признаться. Или вернуться и помочь несчастным супругам. Ну что поделаешь, если жалостливым уродился, а избранная профессия пока не успела закалить нервы постоянным видом людских страданий?

А с другой стороны... Как представишь себе, как придется идти по вдрызг разбитой дороге, шлепать по грязи, окончательно губя башмаки, ночью да под дождем, так и хочется удавить в зародыше свое неумное человеколюбие. За что прикажете любить спутников Кайра, выбросивших из экипажа мистрила Джайдэва? Или, например, забитого насмерть насильника-попрошайку? Или его убийц?

– Слыш, паря, – фермер (как только этот увалень сумел подобраться столь бесшумно?) старался говорить тихо и незаметно для посторонних. – Тута... крутится... эта... какой-то шельмец. Эта... ищет бабу... Мне смотритель... эта... шепнул. Шибко на евонную... – он кивнул в направлении, где высадили супругов Джайдэв, – на дамочку служивого похожую.

– Какой еще шельмец? – недоуменно спросил Кайр.

– Во-о-он тот.

Земледелец состроил рожу, косясь на невзрачного молодого человека в непромокаемом плаще, который, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, внимательно при-

смастривался к пассажиркам. Он явно делал вид, будто ищет знакомую, но чересчур часто обозначался.

– Землячок, кажет... кареглазая... и зовут... эта... то ли Тэйм, а может, и Фэйм... годов неюных... Ага?

– Спасибо вам, сударь, – церемонно отвечал студент.

Крошечный амулет, пристегнутый булавкой к изнанке его рубашки, покалывал кожу крохотной иголочкой предупреждения. Молодой человек в непромокаемом плаще вел настоящий магический поиск. Профессор Кориней, вручая ученику хитрую чародейскую вещь, строго наказывал чутко прислушиваться к любым ее сигналам и быть начеку в случае, когда рядом кто-то колдует. Кайру еще подумалось, что старикану пора пить успокоительное, ибо его подозрительность уже ни в какие рамки не лезет. Вечно ему чудятся маги-шпионы, норовящие выкрасть лекарские секреты. То, что делал сейчас незнакомый чародей, было, мягко говоря, незаконно. Причем вот уже сто пятьдесят лет, как запрещено духовными и светскими властями и, что характерно, Ковеном тоже.

– Не за что, паря, – ухмыльнулся невесело фермер. – Привет от меня... эта... передашь мистрилу Джайдэву при встрече.

– А вы с ним были знакомы? – изумился Кайр.

– Вроде того. Война, будь она неладна, свела, – фыркнул тот и поспешил занять свое место в дилижансе.

– Молодой человек, вы собираетесь ехать? – требователь-

но спросила мистрис Магди.

Кайр колебался не дольше десяти ударов сердца.

– Спасибо за приглашение, сударыня. Я... я, пожалуй, останусь, – ответил студент. – И немного прогуляюсь.

Отъезжающий экипаж обдал парня грязными брызгами, унося в ночь недавних попутчиков и собеседников. Самое время пожалеть о том, что уродился обычным человеком, начисто лишенным волшебства. Пальцами, конечно, не щелкнешь, чтобы вмиг обсохнуть, но изнутри согреться тоже не помешало бы. Кайр уныло потряс фляжкой, бренди ни капельки не осталось. Вот ведь засада какая!

Молодой человек поднял повыше воротник куцей куртки и надвинул на лицо фуражку, чтобы хоть как-то прикрыться от дождя, и побрел назад по дороге, рассчитывая только на здравомыслие мистрис Джайдэв. Если тетка в своем уме, то далеко от тракта не отойдет.

В темноте, под ледяным ливнем, стоя по щиколотку в жирной грязи, самое подходящее время и место, чтобы рыдать в голос и ругаться последними словами, богохульствовать и проклинать тот день и час, когда решилась на безумную эскападу в компании с припадочным Россом Джевижем. Никто, включая самого виновника всех бед и несчастий, так и не увидел, как Фэйм, зажмурившись и бессильно потрясая кулаками, кричала проклятья ВсеТворцу, отплеываясь от дождевой воды, текущей в рот. А что ей еще остава-

лось делать? Нет, она, конечно, могла бы пару раз пнуть лорда Джевиджа под ребра, чтобы выпустить пар, но... эта злобная сволочь все равно ничего не почувствовала бы. Разумеется, многомудрый лорд-канцлер по примеру всех своих собратьев по полу во все времена в самый ответственный момент переложил заботы на хрупкие женские плечи и мирно пребывал в беспамятстве, равнодушный к дождю и холоду и безучастный к собственному плачевному положению.

– А кто говорил: «У нас все получится!», кто обещал защиту? – верещала Фэйм, тщетно теребя Росса за воротник плаща. – Что мне теперь делать? А? Почему – я? Почему – мне? Отвечай, Джевидж! Отвечай! В чем я виновата перед тобой?!

Но тот молчал и не подавал иных признаков жизни, кроме хриплого прерывистого дыхания.

– Правильно! Давай! Помри прямо сейчас! Сдохни и оставь меня расхлебывать кашу! – ничего уже не соображая от страха, вдова наотмашь хлестала лорд-канцлера по щекам, совмещая попытку привести его в чувство с жадой выместить свой гнев.

Первое сделать не вышло – сознание отказывалось возвращаться в грязное тело, а злость постепенно выветрилась, оставив после себя зудящую пустоту бессилия. Наказать Росса Джевиджа сильнее, сделать ему хуже, чем есть сейчас, попросту невозможно. Разве только пристрелить, и то – это бы стало подлинным актом милосердия по отношению к лорд-

канцлеру.

Ну не бросать же человека, почти бескорыстно спасшего тебя от убийц, посреди дороги? Нельзя же!

– Вставай, Росс Джевидж! Вставай! Ну же! – сквозь крепко стиснутые зубы умоляла Фэймрил. – Ну хоть немного помоги мне!

Безвольное тяжелое тело не то чтобы поднять, его даже с места сдвинуть непросто, тем паче в мокрой одежде, облепленной грязью. Сделать же это женщине на голову ниже ростом и отнюдь не могучего телосложения – так и вовсе непосильная задача.

– Ничего, ничего... сейчас...

Фэйм пыхла, сопела, выла, но не оставляла попыток оттащить своего спутника в придорожные кусты, хотя время от времени сама плюхалась в чавкающую жижу. Руки ее скользили, ноги разъезжались в стороны, но мистрис Эрмаад не сдавалась. Она вообще была на редкость упрямой женщиной, и если уж решила, что сумеет справиться с бедой, то ни за что не отступится от своего. И за ценой не постоит. А жалостливый щенячий скулеж вкупе с горячими слезами ничего еще не означают. Если понадобится...

– Сейчас, сейчас... еще чуточку... совсем немножечко... Ну, пожалуйста! Ну не будь таким неподъемным...

Видеть лицо Росса в темноте не представлялось никакой возможности, но на ощупь совсем как у утопленника – мокрое и холодное. Дознаться, что он жив и дышит, мож-

но, лишь приложив ухо к груди. Там внутри медленно стучит сердце и чуть заметно вздымается грудная клетка. Стало быть, не помер еще лорд Джевидж, продолжая, по своему обыкновению, ловко ускользать из цепких лап Небытия. Везучий песий сын, переживший столько врагов, сколько иным хитрецам за три воплощения не набрать.

– Может быть, вы забрали всю мою удачу? А, милорд? Говорят, шаманы с Восточных Территорий умеют наложить заклинание на людей, чтобы у одного все получалось складно и ловко за счет несчастий и разочарований другого, – устало бормотала себе под нос Фэймрил. – Мне Уэн рассказывал. Отливают, значит, из воска шарик, закладывают внутрь волос или ноготь жертвы, помещают его в кувшинчик и закрывают пробкой. И стоит в нужный момент потрясти кувшином... Сказки, короче, страшные все это по сравнению с нашими с вами нынешними делами. Верно я говорю, милорд?

Милорд, разумеется, предусмотрительно помалкивал и в споры не вступал, но по листьям и траве его тащить было гораздо легче. А беседа с самой собой хоть немножечко, но успокаивала. По крайней мере, от философских размышлений вслух слезы как-то незаметно иссякли.

– Вот заболеем оба воспалением легких после грязевых ванн, будете знать! – в сердцах сказала мистрис Эрмаад, с огромным трудом прислоняя подопечного к стволу дерева. – Только запомните, я постараюсь умереть первой, чтобы вы меня больше не смогли найти и использовать в своих целях.

Чтобы хоть как-то согреться, она расстегнула на Джевидже плащ и самым бесстыдным образом приникла к его груди. Пусть хотя бы теплом поделится, покровитель хренов. Но, прежде чем сон, больше схожий с обмороком, сморил Фэйм, она на всякий случай спрятала один из трофейных револьверов в потайной карман в нижней юбке, поближе к кошельку с деньгами. Так-то оно лучше будет. Спокойнее.

Глава 5

Легкость бытия

Профессор Ниал Кориней в редкие минуты душевного расположения авторитетно утверждал, что Кайр вполне может стать отменным доктором, если, конечно, забудет о лени, а также каленым железом вытравит рассеянность и невнимательность, свойственную его натуре от рождения. Но, только испытав на своей шкуре последствия обоих пороков сразу, студент начал понимать правоту своего наставника – когда пропустил поворот дороги и несколько часов топал под дождем в сторону Осдор-Мара. И, вполне возможно, дошел бы до самого города, если бы вспышка молнии не осветила бы вдруг табличку на дорожном указателе. Пришлось возвращаться. Кайр уже и не рад был, что поддался на уговоры совести и профессионального долга, кляня себя последними словами за никому не нужное геройство, чреватое для непрошеного благодетеля тяжелой простудой. Вполне возможно, супругов Джайдэв подобрал какой-нибудь сердобольный фермер, проезжая мимо в поздний час, и, пока совестливый студент месит грязь и мокнет под ливнем, они оба преспокойно спят в тепле крестьянского дома.

И все же... все же Кайр не свернул в сторону Каилаша. Он подождал, пока кончится ненастье, и решил удостовериться

в своей догадке. Хотя злился на себя неимоверно, шипел и плевался. Ну почему все люди как люди, всем на всех плевать с высокой горы, а ему, идиоту, есть дело до убогого отставного офицера и его верной жены? Запала ему в душу эта женщина, запала глубоко. Пусть не первой молодости и не писаная красавица, а что-то есть в ней эдакое – заставляющее уважать в себе человека.

И хотя следопытом Кайр не был отродясь, но место у обочины, где ссадили припадочного пассажира, он узнал сразу же. Вот она – глубокая колея от колес, а тут мистрис Джайдэв волоком тащила супруга под защиту деревьев. Кайр пошел по следам, а потом, услышав издалека то ли громкий разговор, то ли смех, и вовсе ускорил шаги. Он-то надеялся, что увидит костерок и, возможно, угостится горячим чаем, а на деле попал в крупную неприятность.

– Ух ты! А кто это у нас тут?

– Гэрри! Ты только глянь, какая трогательная картинка!

Фэйм вздрогнула от резкого голоса, раздавшегося почти над самым ухом, и тут же проснулась. Обычно спросонок она какое-то время ходила как чумная и не сразу соображала, что к чему, но вид темно-серых плащей с черными атласными полосами на полах и пелеринах взбодрил женщину лучше чашки кофе. Парни, склонившиеся над ней, учились в Хокварской Магической академии. От страха у мистрис Эрмаад мигом пересохло во рту. Один темноволосый и доволь-

но симпатичный юноша, второй – рыжеватый блондин с простецкими, если не сказать мужицкими, чертами лица. А что? И среди низкого сословья порой рождаются одаренные магической силой люди. Разные такие: первый рослый, второй коренастый, а глаза-то одинаковые – холодные, насмешливые и свирепые. Будто по ошибке на гладких мальчишечьих мордашках поселились глаза старых опытных палачей. Впрочем, эти двое опаснее всякого наемного экзекутора, они – будущие волшебники, а потому измываться над своими жертвами будут не за деньги, а по зову, так сказать, души. Фэймрил прекрасно помнила рассказы мужа о нравах, царящих среди учеников Магических академий. Не в каждой тюрьме они будут строже, и совершенно точно – лучше повстречаться на лесной тропинке с волчьей стаей или бандой беглых каторжников, чем с парочкой юных чародеев. С молодых ногтей им внушается, а зачастую еще и регулярно вбивается, что нет ничего слаще и приятнее, чем власть над беззащитным и униженным. Основная задача волшебника – добиться такого положения, когда рядом не останется никого способного себя защитить и противостоять воле мага. А потому забить палкой с вколоченным гвоздем бродячую собачонку считается в Хокварской академии первой забавой младшекурсника. Дальше – веселее. От истязаний бессловесных тварей к жестоким шуточкам над случайными прохожими, от избивения нищих – к жертвоприношениям. Главное и основное условие – не попасться на горячем и не ошибиться с выбором

жертвы. Коли застукали и схватили – Архимаг вкупе с ректором и пальцем не шевельнут, сдадут с потрохами и задним числом отчислят. Чтобы, стало быть, правосудие восторжествовало.

Уэн, к примеру, в своем выпуске считался лучшим из лучших, он рук в крови не марал, но затравить словесно мог до смерти. Стоило ему почуять слабинку, нащупать болевую точку – пиши пропало. И ведь ничего потом не докажешь.

«Ой, мамочки!» – успела подумать Фэймрил, прежде чем брюнет одной рукой резко схватил ее за горло, чтобы не смогла закричать, а другой рукой впился в волосы и рванул на себя, оттаскивая в сторону от Джевиджа.

– Ползи, собачка, ползи! – тихо засмеялся блондин и наподдал женщине под зад ногой.

Фэйм упала на четвереньки и снова получила удар, но уже в живот. Весьма и весьма болезненный удар, от которого едва не остановилось дыхание. Темненький симпатяга снова дернул женщину за волосы, поневоле заставляя встать на колени.

– Что ты делаешь здесь, сучка? – сладко-пресладко улыбаясь, спросил он и что есть силы врезал ей по лицу раскрытой ладонью, не дожидаясь ответа.

Мальчику не нужны были слова оправдания, его вполне устраивал алый отпечаток на ее щеке, разбитая губа и слезы боли, фонтаном брызнувшие из глаз.

– П-пожалуйста! Не нужно! – взмолилась Фэйм, когда в

лоб ей уперся ледяной камень магического жезла.

«ВсеТворец! Помилуй!» По большому счету, она уже распрощалась с жизнью и не просила ВсеТворца спасти. Слишком уж хорошо вдова мага представляла, чего следует и чего не следует ждать от хокварского выпускника. Жалости и милосердия в этих мальчиках после десяти лет учебы не осталось даже щепотки. От звериного нутряного страха, жидким огнем растекающегося по жилам, Фэйм подурнело. Нескорая, позорная и мучительная смерть смрадно дыхла в лицо женщине.

– Нет, паршивая тварь, очень даже нужно, – обрадовался блондин, впиваясь толстыми пальцами в челюсть жертвы и запрокидывая ей голову. – Это твой любовник? Да? – поинтересовался он, кивая на Джевиджа. – Твой хахаль, шлюха?

Даже если бы Фэйм хотела что-то ответить, вряд ли у нее получилось бы: юный чародей едва челюсть ей не сломал. С Россом у парней будет короткий разговор – одна маленькая молния в глаз, стоит ему пошевелиться. Зачем возиться с мужчиной, когда есть такая замечательная жертва – испуганная, беззащитная тетка, с которой можно сделать все, что душа пожелает. А мы-то знаем, чего более всего остального жаждут души двух молоденьких мальчиков, уже вкусивших сладости всевластия. Чего? Конечно же – мольбы о пощаде, унижения, слез и страха. Да, да – того самого сочного, дрожащего на кончике языка вкуса чужого бессилия, за которым охотится каждый маг.

А если Росса Джевиджа убьют, тогда и Фэймрил Эрмаад не уйдет из этого проклятого леса на своих ногах. Зачем же оставлять свидетеля, верно?

– Ты подумай, Сколли, так вчера намиловались, что мужик спит теперь беспробудным сном, – зацокал языком брюнет.

Глаза у него затуманились предвкушением забавы, став из светло-голубых пронзительно синими. Ах, какие у него красивые глаза – настоящая девичья ловушка. В них, будто в зеркале, Фэйм видела в этот миг себя – грязную, растрепанную, зареванную тетку с разбитым носом и трясущимися от боли распухшими губами. Мерзкое никчемное существо, созданное ВсеТворцом лишь для того, чтобы потешить самолюбие умненького и талантливюго юного колдуна. Была бы еще молоденькой красоткой, а так... Какая-то жаба, которую не жалко раздавить каблуком. Кому нужны эти жабы? Так ведь, ваше чародейство?!

– Стало быть, ты у нас – горячая бабенка?! – обрадовался мальчик Сколли, скорчив насмешливую рожицу. – Старая, но опытная. Да? Это хорошо.

– Обслужишь нас по первому классу? – спросил Гэрри.

Фэйм совершенно невозбуждающе молчала, поэтому отхватила пару жарких оплеух по губам и уху и несколько ударов в грудь.

– Ну, чего ждешь? Открывай рот, сучка! Тебе не привыкать, – рассмеялся он и полез расстегивать ширинку.

Мистрис Эрмаад отпрянула назад, инстинктивно загораясь руками. И тогда на нее снова обрушились удары. Со всех сторон и по чему попало. Много ударов – много боли, но не она самое страшное, а то, что всем существом Фэйм завладело какое-то животное равнодушие. Пусть делают что хотят – нет сил сопротивляться произволу.

Наверное, если бы юные волшебники Фэйм попросту изнасиловали, то она так и осталась бы в этом жутком оцепенении, позволив сотворить с собой все, что угодно. Но обыкновенное насилие не показалось юношам особо привлекательным, они решили разнообразить веселье. Белобрысый Сколли предложил сначала помочиться на жертву. Так же смешнее, не правда ли?

Желудок скрутило болью, и кислота отвращения подкатила Фэйм к горлу, внезапно отрезвив.

«Да что же я делаю?! – встрепелась женщина. – У меня же револьвер есть! У меня! Револьвер! Есть!»

Как все беззащитные в обыденной жизни люди, непривычные к самой мысли о возможности смертоубийства, она вспомнила о спрятанном под юбкой оружии в самый последний момент.

И вдруг на поляну вышел какой-то парень в студенческой курточке и фуражке. Если бы под его ногой не хрустнула ветка, то молодые чародеи его и не заметили бы, так увлеченно они возились со своими штанами.

Гэрри и Сколли резко обернулись на звук и почти син-

хронно потянулись за волшебными жезлами. Свидетеля следовало устранить как можно скорее. И продолжить забаву.

Тогда Фэйм быстро сунула руку под одежду и... Да! Она выстрелила. Прямо в стоящего над ней Гэрри, попав в живот чуть ниже пупа.

Только что была ровная гладкая кожа, и вдруг – раз! Ми-стрис Эрмаад успела увидеть похожую на уродливый, вонючий ало-черный цветок рану, прежде чем крепко зажмурить глаза. В лицо брызнуло горячим и липким, и одновременно раздался второй выстрел.

Руки у него тряслись, как у запойного пьяницы, еле-еле получилось прицелиться – мушка перед глазами так и плясала. Удивительно, что вообще сумел попасть.

С развороченным нутром особенно бойко волшебной палочкой не помашешь – это факт. Наверное, темноволосый колдунишка помер сразу от болевого шока, а вот второй – коренастый парень с грубой мордой – оказался куда как крепче. Тяжелая медленная пуля вырвала ему кусок бока вместе с половиной почки, но не убила. Магический жезл выпал из рук Сколли и откатился в сторону, а не то неизвестно, чем бы кончился для Джевиджа его меткий выстрел по мучителям.

С трудом оторвав сиденье от земли, пошатываясь из стороны в сторону, Росс подошел к раненому ближе и, пока тот не дотянулся до своего жезла, наступил парню на руку.

– Ради ВсеТворца! Не убивай! Ради милосердия!

От боли лицо молодого человека стало белее муки, а в широко распахнутых глазах застыл запредельный ужас, когда Росс приставил дуло револьвера к его лбу. Чтобы уж точно не промазать, даже если дрогнет рука.

– Я не хо...!

Может быть, он собирался сказать «не хочу»? Но выстрел оборвал хриплый дребезжащий вопль. От страха так часто бывает – голос пропадает начисто. Вроде бы надо кричать, звать на помощь, а нечем – глотка немеет. Росс удовлетворенно хмыкнул: «Маги магами, колдовство колдовством, а своя родная шкура все равно дороже». Умирать никому неохота, а когда ты молод, талантлив и полон надежд, то втройне нет желания расставаться с только-только начавшейся жизнью. Гораздо сложнее вообразить себе, что жить хочется и в сорок, и в пятьдесят, и в семьдесят. На том зачастую и обжигаются молодые да ранние.

Убедившись, что добивать brunetika не придется, Росс подошел к женщине. Она все еще страшилась посмотреть на содеянное – так и сидела на земле с изо всех сил зажмуренными глазами, молча, сотрясаемая то ли крупной дрожью, то ли рвотными позывами. А может, и тем и другим одновременно.

– Вы... Фэймрил Эрмаад? – запинаясь, спросил Росс, с огромным трудом вычлняя из гудящего роя мыслей имя.

Единственное имя, за которое его сознание уцепилось

мертвой хваткой.

...Проклятье, проклятье, проклятье! Тебя словно несет течением под слоем толстого прозрачного льда... студеная вода сковывает тело, сильнее, чем смирительная рубашка, и нет сил даже дышать... Ты раскрываешь рот, кричишь, царапаешься, просишь о помощи, но никто не слышит, там, по другую сторону панциря в сиянии дня, в мире, где есть ветер и солнце, никто тебя не слышит... потому что тебя нет уже в этом мире... уже нет...

– Да, меня так зовут, – устало прошептала дрожащими губами женщина и затравленно посмотрела на собеседника своими карими, оттенка спелого каштана, глазами. – А вас – Росс Джевидж, милорд.

Она поддела пальцем медальон, болтавшийся у него на шее, и прижала ко лбу Росса. Пятная его кожу еще теплой кровью.

...По льду прошла глубокая трещина, затем вторая, третья, четвертая... И вдруг! Взрыв! Острые прозрачные крошки разлетелись в разные стороны! Вдох! Он рванулся вверх, к небу, к свету, к жизни из зеленых глубин безвременья и беспомыслия. Судорожно всхлипнул и... стал собой... до следующего сна. Проклятье! За что?!

Кайр слишком поздно понял, что оказался в неподходящем месте и в неподходящее время и сейчас его убьют двое молодчиков в плащах с гербами Хокварской академии.

Убьют, а потом испепелят в маленькую кучку праха. Как говорится, нет тела – нет преступления. Профессор Кориней не зря многожды и настоятельно предупреждал не забредать в окрестности магических школ, он прекрасно знал о творящихся там страшных делах. Стоит ли удивляться, что колдуны готовят подрастающую смену в местах, удаленных от человеческого жилья, не жмутся к чародейским школам многолюдные городки, как это бывает с обыкновенными светскими университетами или духовными семинариями. Студенты – люди веселые до буйности, но щедры и незловредны, а потому торговый люд тянется к стенам обители знаний. Один за другим открываются трактиры, гостиницы, кондитерские, портняжные, сапожные и переплетные мастерские. Студент семьей не обременен, он лишнюю денежку изведет либо на пиво, либо на книгу, либо еще куда, но в кубышку точно не положит. Тут медячок, там серебрушка, так и грызущих гранит знаний меньше не становится. Мудрые предки говаривали: курочка по зернышку клюет и сыта бывает. Так примерно рассуждали ремесленники и торговцы во все века. А еще они видели, что образование лишним не бывает, и уже для внуков-правнуков загадывали судьбу грамотного человека.

За магическими академиями, напротив, издавна водится слава дурная, оттого и бегут обыватели прочь, куда глаза глядят. Лишь бы подальше от чародейства, колдунов и их жутких механизмов.

Кто ж знал, что не побоится несчастная мистрис Джайдэв выстрелить в мучителя, а ее муж – уложить второго негодяя? Никто. И, как ни крути, а они спасли жизнь не только себе, но и Кайру. Хотя предполагалось, что выйдет ровно наоборот.

– Вы очень правильно дождались момента, когда у вырождков будут заняты руки. Хорошая тактика! – неумело похвалил Росс свою ошеломленную спутницу, чтобы хоть как-то вывести из умственного паралича. – Правда! Я же говорил, вы – настоящий солдат.

На самом деле Джевидж только прикидывался спящим, понимая, что даже вдвоем с Фэйм не устоит перед волшебными жезлами в руках двух колдунов. Потихоньку, не привлекая внимания, достал из кармана оружие и терпеливо ждал, когда парни отвлекутся и забудут о нем. Он даже не пытался молиться ВсеТворцу, но как иначе прикажете трактовать внезапное и столь своевременное появление студента, как не Милость Его?

«Дланью Своей защитит и помилует тех, кто не в силах себя защитить» – так, кажется, поется в одном из священных гимнов?

Фэйм попыталась встать, но снова плюхнулась на землю – ноги все еще отказывались держать вертикально несостоявшуюся жертву мажьего насилия.

– Идите сюда, Кайр, – позвал Росс юношу, теперь он его вспомнил и узнал. – Будьте так добры, помогите нам.

Мужчины обоюдными усилиями подняли мистрис Эрма-ад.

– Я не сразу вспомнила о револьвере, милорд, – честно призналась она.

– Ну и что? – удивился Джевидж. – В конечном итоге вы не только вспомнили, но сделали это весьма своевременно. А теперь... – он осторожно отобрал у вдовы оружие, спря-тал его в карман плаща и внимательно огляделся вокруг. – Теперь надо бы замести следы.

– Что? – испуганно дернулась Фэйм. – Замести? Следы?

Фраза подходила каким-нибудь жестоким разбойникам из романа про благородного, оклеветанного перед законом рыцаря, ставшего волею судеб поборником справедливости. Воистину, хмыкнул мысленно Росс, если и есть кандидату-ра, менее всего подходящая на роль защитника угнетенных, то это – он сам.

– Где мы находимся?

– В получасе езды от станции Каилаш, если вам это о чем-то говорит. Примерно в восьми часах от Фахогила, – ответил Кайр.

– И как мы здесь очутились? – спросил лорд-канцлер недоуменно.

– У вас случился припадок, милорд, и нас высадили среди ночи, – пояснила Фэйм.

«Добрые и честные сограждане, всегда готовые прийти на помощь ближнему. Надо же, как знакомо!»

У Джевиджа не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы пересчитать случаи, когда он приходил в себя в придорожной канаве после очередного приступа. Милосердие обывателей традиционно заканчивалось за порогом храмов ВсеТворца. Обольщаться не стоило.

Росс задумчиво почесал в затылке, в очередной раз поражаясь парадоксальному свойству собственного разума – прекрасно помнить, например, географические и исторические факты, даты, топографические карты и не помнить ничего о себе. Совершенно не по-рыцарски он с досады пнул мертвеца. Вот из таких, как этот юнец-живодер, потом и вырастают сволочи, способные покуситься на чужую память, отобрать самое сокровенное.

– Где-то тут рядом есть речка, нам нужно туда.

– Зачем? – по-прежнему растерянно удивилась Фэйм.

– Топить улики, мистрис Эрмаад, – отрезал Росс. – Пойдемте-ка отсюда скорее.

Пожалуй, и под пытками лорд Джевидж не смог бы объяснить, какое такое сорок четвертое чувство вывело его на берег неширокой, но быстрой речушки. Кажется, она называлась Серда. Он выбрал крошечный заливчик, закрытый с двух сторон высоким камышом, и удовлетворенно кивнул, бросив на серый песок саквояж Фэйм.

– То, что нам надо. – И добавил, обращаясь к женщине: – Снимайте одежду, мистрис Эрмаад. Наш новый друг отвернется, а меня вы не смутите.

– Может, не нужно? – растерялась она.

Костяшки пальцев, судорожно сжимающих порванную ткань блузки на груди, побелели.

– Фэймрил, посмотрите на себя – вы вся в крови. От одежды нужно срочно избавиться. Ваш револьвер, к сожалению, тоже придется утопить. На случай, если вдруг покойник окажется сыночком какой-нибудь важной шишки и родня наймет сыщика. Пуля, скорее всего, застряла в теле ублюдка, и по ней...

Но договорить Росс не успел. Его спутницу тут же вывернуло наизнанку желчью. Поэтому далее распространяться на столь болезненную тему он не стал, а попросту занялся тем, что считал самым необходимым на этот момент: помог Фэйм снять испачканную кровью верхнюю одежду, умыться и причесаться, а пока она переодевалась в скромное зеленое клетчатое платье, обвязал испорченные вещи вокруг тяжелого камня и швырнул вместе с оружием в речку.

«Ну вот ты и влип в историю, Финскотт!» – обреченно сказал себе будущий врачеватель. События развивались столь стремительно, что молодой человек опомниться не успел, как стал свидетелем гнусных издевательств над женщиной, двойного убийства, странного ритуала с медальоном и косвенного признания парочки в том, что они вовсе не муж и жена и даже не те, за кого себя выдают. Все случилось как-то совсем уж сразу и требовало разъяснений.

– Кто же вы все-таки, сударь? – спросил в равной степени испуганный и заинтригованный юноша.

– Как утверждает эта отважная дама, я – Росс Джевидж, лорд-канцлер, – хмуро проворчал тот. – Сомневаться в ее словах я не стал, а что скажете вы? Узнаете?

Конечно же, лично юноша с лорд-канцлером встречаться не мог, а рисунки в газетах лишь приблизительно отражали реальные черты Джевиджа, но прозрение все же состоялось. «А теперь ты уже не просто влип, а влип по самые уши». Кайру не потребовалось даже рта раскрывать, чтобы его собеседник все понял. До того красноречиво выпучились у студента глаза.

– Значит, узнал, – грустно усмехнулся лорд-канцлер. – Что теперь прикажешь с тобой делать, молодой человек? Отпускать на все четыре стороны – боязно, оставлять при себе – накладно. Как поступим?

Будущий лекарь хоть и был молод годами, но никогда не считал себя дураком. Он и сам прекрасно догадался, что ради собственного удовольствия всемогущий лорд Джевидж припадками страдать не станет и трястись в общем купе дилижанса, кстати, тоже. Тем паче не нужны ему лишние глаза и уши в секретном и, несомненно, важном путешествии.

«Погодите-ка! А почему, собственно, не нужны?» – вдруг подумалось молодому человеку, и он тут же высказал свое предположение:

– А я вам пригодиться могу, милорд-канцлер! Серьезно! Я

буду помогать в вашей тайной и опасной миссии, – почти повоенному отрапортовал отважный студияз, прямо всей кожей ощущая, как приобщается к государственным тайнам.

В ответ Джевидж неожиданно рассмеялся.

– Фэймрил, вы слышали это? Какой все-таки забавный нам попался юноша. Как вы вообще здесь оказались? Вы же вроде бы должны уже садиться в вагон столичного экспресса, нет?

– Я вышел на станции в Каилаше и решил вернуться к вам, но свернул не в ту сторону, а потом...

– погоди, не части, – поморщился Росс. – Почему же вы вернулись к нам?

Кайр видел, что лорд Джевидж не верит ни единому его слову. Шутка ли, молодой здоровый парняга пожалел старого солдата? Разве такое бывает? Скажете тоже.

Студент беспомощно обернулся к мистрис Джайдэв... то бишь Эрмаад... и обреченно пожал плечами:

– Она... она плакала...

И как ни странно, как ни удивительно, но лорд-канцлер ему поверил.

– Хм... Наверное, я бы тоже вернулся, – буркнул он чуть слышно и добавил уже громче и внушительнее: – Будь потвоему, Кайр... Как тебя там?

– Кайр Финскотт, – подсказал юноша.

– Так вот, Кайр Финскотт, я принимаю тебя в мою маленькую армию, – и улыбнулся, на миг сбросив последние

лет двадцать прожитого, до того задорной и мальчишеской вышла улыбка. – Фэймрил, обратите внимание, как я и обещал – нашего полку прибыло. Прошу любить и жаловать – рядовой медицинской службы Финскотт!

Женщина механически сделала книксен.

– Ну вот – теперь вы выглядите просто великолепно, моя леди, – заявил Джевидж, внимательно оглядев спутницу со всех сторон.

Она осторожно прикоснулась к разбитой и опухшей нижней губе, поморщилась и грустно улыбнулась:

– Будем считать, что у мистрила и мистрис Джайдэв вышла небольшая размолвка.

– Верно, – заговорщически подмигнул Росс, поддерживая игру. – Мистрил Джайдэв слегка вышел из себя и распустил руки. Но он очень сожалеет и обещает, что больше ничего подобного не повторится. Кстати, – спросил он. – А раньше... ну прежде... за мной ничего такого не водилось?

– В смысле? Били ли вы своих женщин? – неделикатно уточнила Фэйм.

– Вы чрезвычайно прямолинейны для вдовы волшебника, – хмыкнул лорд Джевидж. – Хотя... вы правы, нет смысла прятаться за словами. И все же?

– Думаю, что нет. Вы не били своих любовниц, иначе об этом тут же раструбили бы по всем светским салонам.

Забавная она была, эта Фэймрил Эрмаад, в чем-то даже смешная. Повадками похожая на речную выдру – шустрого,

умного и неунывающего зверя. Другая бы до сих пор билась в истерике, а эта... просто упрятала растерянность, испуг и боль куда-то в недра души, чтобы потом, наедине с собой, когда никто не увидит, оплакать свое унижение и разочарование в человечестве. Разочарование – оно ведь неизбежно, когда с невинным и беззащитным существом вдруг приключается такая отвратительная история, помимо воли заставляющая думать о том, что ВсеТворец отвернулся от этого мира, устав его любить. Разве есть иное объяснение?

– Давайте немного перекусим, прежде чем идти дальше, – предложила Фэймрил, взглядываясь в лица мужчин. – У меня где-то остался кусок пирога и несколько яблок.

– Какой, однако, вместительный у вас саквояж.

– Он имеет интересную историю. С ним я бежала из Эарфирена год назад, – пояснила вдова, копаясь в недрах галантерейного монстра.

– От кого вы бежали?

Мистрис недобро сощурилась и после некоторого довольно напряженного молчания ответила:

– От вас, милорд.

– Гм... – только и смог выдавить из глотки Джевидж. – Значит, все-таки мы с вами... достаточно хорошо знакомы?

– Можно и так сказать, милорд, – отчеканила мистрис Эрмаад. – В определенном смысле – да.

– Не хотите поделиться впечатлениями? – с обманчивой легкостью спросил Росс.

Но никого – ни Фэйм, ни Кайра – его небрежность не обманула. Об такие интонации смело можно точить ножи, точно об оселок. Студент, так тот вообще против воли вжал голову в плечи.

– Не уверена, что они вам придутся по душе, лорд-канцлер, – ответствовала вдова не дрогнув.

– А вы попробуйте. Сомневаюсь, что мне грозит серьезная душевная травма.

Короткий и почти бесстрастный рассказ мистрис Фэймрил «новобранца» Джевиджевой армии – Кайра Финскотта – не порадовал. С одной стороны, вдова колдуна-заговорщика поступила отнюдь не глупо, когда, дав деру из охваченной беспорядками столицы, абсолютно справедливо предпочла тихую и уединенную, но небогатую жизнь в курортном городишке тюрьме и долгому судебному разбирательству. А с другой стороны, Кайр неожиданно-негаданно оказался в компании подозрительно забывчивого канцлера и беглой преступницы. То ли еще будет?

– Так почему же вас не искали? – спросил лорд Джевидж, задумчиво дожевывая яблоко вместе с косточками и хвостиком.

Фэйм пожала плечами:

– Понятия не имею. О завещании бабушки никто не знал. А может быть, решили, что я тоже погибла во время волнений в столице.

– Значит, теперь уже ищут, – впервые влез в разговор

Кайр и поведал о малоприметном молодом человеке на станции Каилаш и реакции на него профессорского амулета.

Росс и Фэйм тревожно переглянулись.

– Ах вот оно что!

Лорд Джевидж заинтересованно поглядел на молодого человека, будто видел его впервые.

– И снова Знаки меня не подвели, – немного загадочно молвил он. – Не зря наши пути пересеклись. Будем считать, что вы приносите удачу.

Уж кем-кем, а личным талисманом лорд-канцлера Кайр Финскотт стать никогда не собирался, справедливо полагая, что подобная честь не сулит ничего, кроме суровых испытаний. Но что-то делать было уже слишком поздно.

Лорда Джевиджа не порадовало повышенное и явно недоброжелательное внимание к Фэйм. Сначала ночные убийцы, теперь агент, в открытую занимающийся магическим поиском, дальше что приключится? Кому-то очень не нравилось, что Фэймрил Эрмаад жива и невредима, кто-то хотел бы избавиться от ее неприметной, но такой неудобной персоны. Пока ответов на эти вопросы у Росса не имелось. Зато он четко уяснил одну вещь – если вдову Эрмаад караулили уже на почтовой станции, то в Фагохиле точно устроена засада. А следовательно, в столицу надо добираться другим путем, минуя железную дорогу. Пешком – далеко и долго, на покупку или аренду экипажа и лошадей не хватит денег.

Оставалось только по реке.

– Возле Сийфары берет начало одноименный канал, по нему мы доберемся до Бриу, а оттуда до столицы рукой подать, – заявил Джевидж.

Весь день они шли вдоль берега, вниз по течению Серды, и только под вечер, когда мистрис Эрмаад окончательно выбилась из сил, решили сделать привал. Благо по дороге попался старичок-рыбак, с дорогой душой и не бесплатно поделившийся частью улова. Правда, поначалу он пытался сбежать при виде рожи лорд-канцлера, но Фэйм удалось его убедить, что никакие они не грабители и готовы честно заплатить по четвертушке за каждую рыбину. Росс подыграл ей, напустив на себя оскорбленный вид, и настаивал на изъятии всего улова, причем задаром, ибо пара хороших тумачков деньгами никогда не считались. Надо ли удивляться, что дедок счел за счастье взять предложенную доброй мистрис плату в обмен на двух жирных судаков.

Теперь путешественники ужинали этими самыми жареными судаками, запивая их кипятком, настоящим на земляничных листьях, из одной кружки на всех. Кайр сдержал слово и внимательно осмотрел незаживающую рану на шее лорд-канцлера. Красная, сочащаяся сукровицей и местами гноящаяся полоса по форме напоминала отпечаток пилы с широкими зубьями.

– Давно это у вас? – поинтересовался студент.

– Все время. Болит, жжет, и стоит чуть задеть – корочка

лопается, – сдержанно пожаловался Росс.

– М-м-м-м... Очень похоже на ожог. Вы его пытались лечить?

– Мэтр Амрит пытался. Сначала магией, потом травами, но добился одного – теперь хоть не кровоточит.

По мнению Фэйм – слабое утешение, ибо выглядела рана отвратительно.

– Я вам ее почищу и перевяжу, – пообещал Кайр.

У него в сумке нашелся флакончик с азотнокислым серебром, а на бинт для перевязки пустили полосу, оторванную от подола нижней сорочки мистрис Эрмаад. К слову, единственной запасной, взятой с собой при бегстве.

Решено было дежурить по очереди, чтобы спящих снова не застигли врасплох. Пусть Хокварская академия вместе со своими вы...кормышами осталась далеко позади, но и с обычными-то бродягами можно нажить бед, если дать им повод воспользоваться удобным случаем и напасть на путников. Убить не убьют, но кости переломают и обчистят до нитки. Фэйм предложила разделить смены поровну – на троих, без всяких скидок на ее пол.

– Пожалуй, это будет излишним, – скривился Росс.

– Ничего подобного, – возразила Фэйм. – Вы ведь не хотите снова довести себя до припадка, милорд?

В ее словах таилось осуждение. Если бы лорд-канцлер не упрявился в дилижансе, то сегодняшнего утра таким чудовищным, каково оно выдалось, не случилось бы. И если кое-

кто умудрился все забыть, то не всем вокруг даровано такое счастье, между прочим, безмолвно говорили холодно мерцающие глаза мистрис Эрмаад.

Словом, не время и не место было демонстрировать рыцарственность. Первым дежурил Джевидж, потом Кайр, а уже под утро – Фэймрил. На нее же возлагалась обязанность правильно и безболезненно разбудить лорд-канцлера на рассвете.

Только что казалось – вот стоит только лечь и глаза закрыть, как придет долгожданный сон. Он тонким серебряным ножом отрежет прошедший день, навсегда превращая его в Прошлое, в то, что уже никогда не вернется. Фэйм так рассчитывала на свою старую привычку изгонять плохое, вычеркивать его усилием воли, привычку, выработанную годами, отлаженную, как часовой механизм знаменитого виндрийского мастера Шугго. Но что-то сломалось внутри, непоправимо испортилось. И Фэйм примерно знала, что именно.

Мы многие тысячи раз бросаем ничего не значащие пожелания смерти. «Чтоб ты сдох!» и «Убить мало» – только малая часть разнообразия. Мы кричим это в запале гнева, или тихонько шепчем себе под нос, или же просто думаем, глядя на очередное недостойное жизни непотребство. Но редко кому доводится в жизни своей пожелать смерти по-настоящему и исполнить обещанное собственной рукой. То-

го безымянного парня – наемного убийцу – Фэйм не хотела убивать, правда-правда не хотела. И ничуть не лукавила, так же как не стала обманывать себя относительно юного чародея по имени Гэрри.

Она даже мысленно не могла произнести слово, которое обозначает то, что собирались сделать с ней мальчишки-волшебники. Казалось, грязь и мерзость прилипнут к черепу изнутри и осквернят душу навеки.

Ненависть, ярость и это пьянящее, обжигающее, почти сладкое чувство избавления от божественного запрета отбирать чужую жизнь. Фэйм захлебнулась в нем, опьянела и... утратила что-то навсегда, безвозвратно. Может быть, самую настоящую Невинность? В ее исконном незамутненном смысле. Не-винность... не-виноватость... как отсутствие вины, а следовательно, и кары за содеянное.

Она смотрела в небо, читая карту осенних созвездий, и думала еще и о том, что до сей поры плохо представляла себе, с кем прожила пятнадцать лет. Глазами Гэрри и Сколли... как их там полностью – Гериш и Скольдиам?.. их глазами смотрел на нее Уэн. Просто он был гораздо старше, когда женился на Фэймрил Сааджи, и научился насиловать словами, избивать взглядом и глумиться молчанием. Точно так же, как это делали все его знакомые коллеги по цеху и дару.

Но почему, почему магия так меняет людей, превращая их в ненасытных хищников, изощренных мучителей и неумолимых охотников? Причем прежде всех остальных они ис-

тязают самих себя. Уэн не мог жить спокойно и размеренно, не мог и дня обойтись без жестокой выходки, без скандала и оскорблений. А как виртуозно он третировал прислугу! Фэйм сначала думала, что это из-за происхождения. Его дед держал скобяную лавку, и богатство упало Уэну на голову столь внезапно, что он посчитал его не просто благословением или удачей, а собственной заслугой. В старой аристократической семье Фэйм слуги считались чуть ли не членами клана, им не нужно было носить форменное платье, хозяйева, как и встарь, даровали одежду со своего плеча. Бабушка Ииснисса за всю жизнь не уволила ни одной горничной, не поругалась ни с единой поварихой, а сыну дворецкого дала денег на поступление в университет.

Теперь-то понятно, что Уэн издевался над слугами ради удовольствия, а не из чувства классовой неполноценности.

Фэйм боялась завести даже золотую рыбку, не то чтобы кошку или ручную соню. Рискованно было привязываться к тварюшке.

Небеса! ВсеТворец-Зиждитель! От ужасающей в своей откровенности догадки Фэйм, словно молнией, пронзило насквозь. Она же столько лет роптала, она пеняла ВсеТворцу за смерть Кири, а Он-то спас невинную душу от такого отца, от страшной участи пожизненной зависимости от морального урода и идейного палача.

«Кири, девочка моя, прости меня! Прости меня, моя маленькая! Я четырнадцать лет не могла понять, что ты была

столь прекрасным ребенком, что просто не захотела жить рядом с безвольной матерью и отцом-чудовищем. Прости, что столько лет держала тебя! Прости!»

– Почему вы не спите? – глухо спросил Росс Джевидж, не оборачиваясь.

Он сидел спиной к костру и бдительно нес вахту, но все же услышал взволнованное дыхание женщины.

– Мне есть о чем подумать, милорд. Последние дни получились... слишком... насыщенные. Чересчур много всего случилось.

Фэйм совсем не хотелось, чтобы он сказал: «Не переживайте. Все забудется», но Росс этого делать не стал. Наверное, оттого, что слишком хорошо знал, как это на самом деле – Все Забыть.

И все же не зря говорили, будто лорд-канцлер умеет читать мысли.

– Мне бы очень хотелось поделиться с вами моим умением забывать взамен на крупицу вашего дара помнить и хорошее, и плохое.

В животе у мистрис Эрмаад похолодело от острейшего предчувствия.

– Если бы... если бы я могла... то с радостью обменялась с вами, милорд.

Он ничего не ответил. Кусал губы и косился на узкий серп луны, но потом решился:

– Я, сам того не желая, сыграл в вашей жизни роковую

роль.

– И продолжаете играть, милорд, – честно призналась вдова.

Некоторое время они молчали. Росс созерцал тьму, спрятавшуюся в зарослях камыша, а Фэйм – лорд-канцлера. Годам к шестидесяти волосы у него совсем поседеют, появятся залысины, глаза станут еще меньше и уже, появятся отвисшие брыли, но никто не посмеет назвать лорда Джевиджа стариком. Столько в нем силы, воли и энергии, столько желания жить и упрямства. Нравится это кому или нет.

– Мне жаль, но изменить уже ничего нельзя.

– Я знаю.

– Добрых вам снов, Фэймрил. Завтра будет тяжелый и долгий день.

При всей инстинктивной неприязни к магам, которая после сегодняшнего дня только усилилась, о мэтре Амрите лорд Джевидж вспоминал с теплотой и благодарностью. И, пожалуй, жалостью. Старенький волшебник все время бурчал, жаловался на погоду, соседей, налоги, коллег и покойную жену, но при этом к подопечному своему относился куда как терпеливо. Даже когда Росс в тщетной попытке вспомнить все разгромил дедову горницу. Он бушевал, орал, крушил лавки и полки, охваченный слепым бешенством, а старичок дожидался во дворе, пока схлынет первая волна негодования и отчаяния. Потом зашел и, подобрав единственный

уцелевший табурет, усевшись посреди разгрома, точно король на троне, степенно сказал:

– В следующий раз ломай все на собственной башке, авось поможет. Здоровенный дядька, а ведешь себя ровно малолетний неслух. Не стыдно?

Джевиджу стало нестерпимо стыдно, и в дальнейшем он себе такого больше не позволял никогда, как бы ни хотелось взорваться яростью бессилия.

Мэтр жил на окраине Рамани так давно, что среди местных считался не столько волшебником, сколько достопримечательностью, почти сказочным персонажем. Низенький дедок с пышными бакенбардами носил длиннополые сюртуки, атласные жилеты, пестрые галстуки и шляпы с высокими тульями и короткими полями. Причем подобных нарядов у него имелось превеликое множество – чуть ли не по обновке на каждый день. А еще мэтр душился женскими духами и по утрам устраивал обливания ледяной водой. Говорил, что очень полезно для здоровья, и обещал приобщить Росса к этой манипуляции. Но не успел... Его нашли мертвым, с пробитым черепом, в одной из подворотен. Только чудом Джевиджа не заподозрили в убийстве – он весь день подрезал ветки в саду у соседки мэтра – мистрис Лаххми, находясь все время на глазах у хозяйки.

Вот почему мэтр Амрит помогал, лечил и заботился о больном незнакомце, а два малолетних выродка жаждали мучить и убивать, при том что все трое – колдуны? Был ли

Амрит в юности таким же злобным скотом, но с годами вся его мизантропия постепенно выветрилась или он от природы оказался более добросердечен, чем иные волшебники? Теперь уже не дознаться, но загадка осталась загадкой: делает ли магия людей более жестокими или эти качества идут рука об руку, как глухота голубоглазых белых котов?

Большинство чародеев существа на редкость зловредные – это прописная истина, от них больше вреда, чем ощутимой пользы. Но, к сожалению и разочарованию многих, не существовало особого рода колдунов, который легко уничтожить, поголовно истребив всех, как пытался сделать Ведьмобой. Волшебник может родиться в любой семье, в любом доме, у каких угодно отца с матерью, через много поколений. А где один, там и второй, и не успеешь обернуться, как запретное знание снова в ходу. Словом, уже довольно давно власти земель и царств поняли, что там, где невозможно полностью победить, там можно и должно загнать неподконтрольную силу в законное русло. Мудрые правители решили, что иметь под рукой пусть не слишком приятных, но весьма изобретательных подданных и плательщиков налогов гораздо выгоднее, чем тайное сообщество идейных и непримиримых изгоев, готовых на любую пакость. Про меньшее из двух зол, сытость волков и целость овец, а также худой мир, который лучше доброй ссоры, помнят все, но кому от этого легче? Не Россу Джевиджу и не Фэйм Эрмаад – это точно.

Небо постепенно стало затягивать тучами, подул холод-

ный ветер, и, чтобы окончательно не задубеть самому и не дать замерзнуть спящим спутникам, Джевидж подкинул в костер пару бревен топляка. От потока тепла тут же разморило и начало тянуть в сон. Поэтому пришлось встать и походить вокруг стоянки, развеивая дремоту. Ему не хотелось снова подвести Фэймрил. Сон для Росса давно уже стал врагом – коварным и безжалостным, с которым невозможно договориться по-хорошему. Сколько ни сражайся с ним – никогда не победить.

Дождаясь окончания смены, Джевидж несколько раз ходил умываться к реке, делал в уме арифметические расчеты и повторял исторические даты.

Кайра и будить-то особенно долго не пришлось – тут же открыл глаза, едва лорд Джевидж коснулся плеча.

– Уже пора?

– Да, – хмуро кивнул тот, сунул парню в руку револьвер и рухнул рядом с Фэйм, засыпая в миг соприкосновения ресниц.

У этой осени были холодные руки и злые глаза, у нее были ожесточенное сердце и тяжелая поступь. Она с недобрым любопытством наблюдала из камышей за ничтожными созданиями, жмущимися друг к другу и к золотому цветку огня. Она пила из реки и собирала в горсти туман, решая, каким еще способом испытать людей на прочность. Но, так ничего не придумав, нырнула в темные глубины Серды, зары-

лась в ил, недовольная и расстроенная. Что еще можно сделать с бездомными, голодными, усталыми и гонимыми? Ну ничего, ничего, скоро придет зима, уж она-то найдет управу на хромым гордецов и вдовых упрямец.

Глава 6

Старые споры

Как утверждают умные и прочитавшие много книг люди – ни одно доброе дело не остается безнаказанным. За доброту свою и участливость Кайр Финскотт «вознаградился» сполна в течение трех последующих дней, вкусив всех прелестей ночевки под открытым небом и блужданий по раскисшим от ливней дорогам под голодные завывания пустого желудка. Одно хорошо – обошлось без непредвиденных встреч с опасными личностями.

Столь долгожданная Сийфара оказалась грязным и некрасивым приложением к угольной шахте. Среди пыльного унылого пространства, утомляющего взгляд полным отсутствием растительности, находился сам рудник с горами отвалов пустой породы, башнями копров и громоздкими паровыми машинами. Вокруг теснились деревянные, сколоченные на скорую руку сараи, потемневшие и полуразвалившиеся. Между ними зияли обрушившиеся ямы старых, полувековой давности, выработок, заполненные водой и сгнившими бревнами крепежа. От них в разные стороны, до самых дальних холмов и в сторону реки, тянулись длинные улицы с домами горнорабочих, бараками, лавками торговцев и конюшнями. Ни постоянного двора, ни гостиницы в Сийфаре

отродясь не водилось. А зачем? Добытый уголь грузили на баржи и каналом увозили на литейные заводы Дианефа. Если сюда кто-то и приезжал, то лишь с деловым визитом к управляющему. Для новоприбывших горных инженеров хозяева предпочитали сразу строить дома.

Зато был кабак, где, кроме разнообразной выпивки, подавали овощной суп и жареную домашнюю колбасу.

– В скором времени протянут к нам ветку железной дороги, и заживем не хуже, чем в Дианефе или Круле, – вещал хозяин, выставляя перед клиентами тарелки с едой. – А пока чем богаты, тем и рады, господа. Угощайтесь!

Среди дня, во время рабочей смены, заведение пустовало, и одноногий кабатчик не мог нарадоваться своей удаче – появлению вполне приличных господ, да еще и при живых деньгах. Он тщательно протер полотенцем столешницу, отодвинул стул даме, а мужчин бесплатно угостил пивом. По стаканчику для аппетита. Впрочем, на его отсутствие никто и не жаловался. За трое суток в дороге по-настоящему ужинали только раз – лорд Джевидж каким-то чудом умудрился подстрелить зайца. На хутора заворачивать было бы бесполезно, никто из фермеров в здравом уме не пустит ночевать трех незнакомых бродяг. К тому же Росс не скрывал, что торопится. Каждый новый день приближал его к зловещей дате, а время безвозвратно утекало сквозь пальцы.

– Жаль, до сих пор не проложили колею, – сокрушался он, быстро заглатывая горячий суп. – Придется делать изрядный

круг до Бриу, а это лишних пять или шесть дней. Я потом схожу на пристань, узнаю, как скоро отходит баржа.

Кайр и Фэйм многозначительно переглянулись. Спешку лорда Джевиджа понять можно, но после трехдневного марш-броска вдова еле ноги за собой тянула от усталости. И к тому же вся чесалась от грязи. Про то, во что превратилось ее платье, лучше вообще не думать, настолько измятым и неопрятным оно стало. Тряпка для мытья полов – и то приятнее на вид. А шляпка... Эх, да что там говорить! Ее уже можно смело выбрасывать. Не женщина, а огородное пугало: растрепанная, с грязными разводами на щеках. Кошмар! Росс и Кайр, кстати сказать, выглядели ничуть не лучше. Только в нищем шахтерском городишке таких оборванцев могли пустить в приличное заведение.

– Прежде чем отправимся дальше, надо бы постираться и помыться, – проворчала Фэйм.

– Мы поплывем на барже, груженной углем, – хмыкнул Росс, намекая на отнюдь не стерильную чистоту, царящую на судне.

– Что – прямо в трюме?

– Нет, но...

Мистрис Эрмаад осталась непреклонна в своем намерении задержаться в Сийфаре хотя бы на день.

– Мы приведем себя в порядок, купим Кайру какую-нибудь теплую одежду – куртку или пальто – и только тогда будем двигаться дальше. А не то в Бриу нас первым делом, как

только на берег сойдем, арестуют за нищенство и бродячий образ жизни. Вы сами два дня талдычили о необходимости не привлекать лишнего внимания.

И не возражишь! Джевидж своим спутникам плешь проел нудными нотациями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.